

[Polaris]

Михаил Герчик

ЛЕТИ, ИКАР!

Фантастическая повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LIX

Salamandra P.V.V.

М. Герчик

ЛЕТИ, ИКАР!

Фантастическая повесть

Salamandra P.V.V.

Герчик М. Н.

Лети, Икар! Фантастическая повесть. Рис. К. Бекташева и Ю. Лаврухина. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 132 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LIX).

В фантастической повести М. Герчика рассказывается о странствиях отца и сына в дальнем космосе, открытиях неизвестных планет и встречах с цивилизациями «братьев по разуму». Повесть «Лети, Икар» (1959) стала одной из первых «космических опер» в послевоенной советской фантастике.

© М. Gerchik, estate, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

«Человечество не останется вечно на Земле... Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пробуждение. Подслушанный разговор. Когда приборы ничего не показывают. В западне. Из пистолета по металлу.
«Где ты, отец?» Двое в штурманской рубке.

Действие снотворных таблеток было рассчитано на 16 часов. Видимо, они уже прошли, потому что Икар почувствовал, что он просыпается. Медленно рассеивался туман, который 960 минут цепко обволакивал его мозг, вялые мышцы наливались силой, тело приобретало гибкость и подвижность, выработанную длительной тренировкой.

Автоматические зажимы, мягко поддерживавшие Икара в глубоком, уютном кресле, разошлись, и он резко, чтобы прогнать остатки дремоты, выпрямился. Потом легко спрыгнул на пол, затянутый толстым, упругим ковром.

Это был коренастый голубоглазый крепыш. Лицо его порозовело от долгого сна, на лбу, тронутым легким загаром, выступили мелкие капельки пота. Выглядел он немного старше своих двенадцати лет. Может быть, виноваты в этом были тяжеловатый, резко очерченный подбородок или широкие плечи и сильные руки мальчика? Или то, что слишком по-взрослому, пристально и внимательно, он огляделся вокруг себя? Наверно, и то, и другое, и третье. Он был одет в длинные брюки из немнущегося синтетического материала и наглухо застегнутую куртку, очень удобную потому, что на ней было множество карманов.

Светлые, цвета спелой соломы, длинные волосы Икара прикрывала сетка-паутинка — мальчик не любил, когда во время работы они лезли в глаза. Обут он был в легкие сандалии, которые двумя ремешками прикреплялись к ноге.

Икар был четвертым членом экипажа межгалактического фотонного звездолета высшего класса «Малахит», един-

ственным сыном командира корабля Андрея Дмитриевича Ожегова. Почти два года назад «Малахит» стартовал с Центрального лунного космодрома, держа курс к планете Сирасколия, крупнейшей из четырех планет двойной 14-й звезды в созвездии Омега, расположенной в глухой провинции спиральной ветви Т-12-8 нашей Галактики.

Икар принял снотворную таблетку 16 часов назад, когда корабль подошел к квадрату Альфа-217, в котором, по предположениям и расчетам Ожегова, должен быть проход в «зоне неприступности». Отец запретил ему нести вахту во время штурма этой проклятой зоны, где уже погибло два звездолета землян.

Это решение он принял после короткой беседы с Бахтиным и Соколовым. Икар нечаянно подслушал эту беседу: он разыскивал в картографическом отсеке карту центральных звезд Млечного пути, а Ожегов думал, что мальчик вышел.

— Всего предусмотреть нельзя, — твердо сказал Андрей Дмитриевич, вглядываясь в лица товарищей. — Прорыв может окончиться гибелью «Малахита». Если это случится, мальчику лучше находиться в забвении. Все равно во время штурма нам он ничем помочь не сможет.

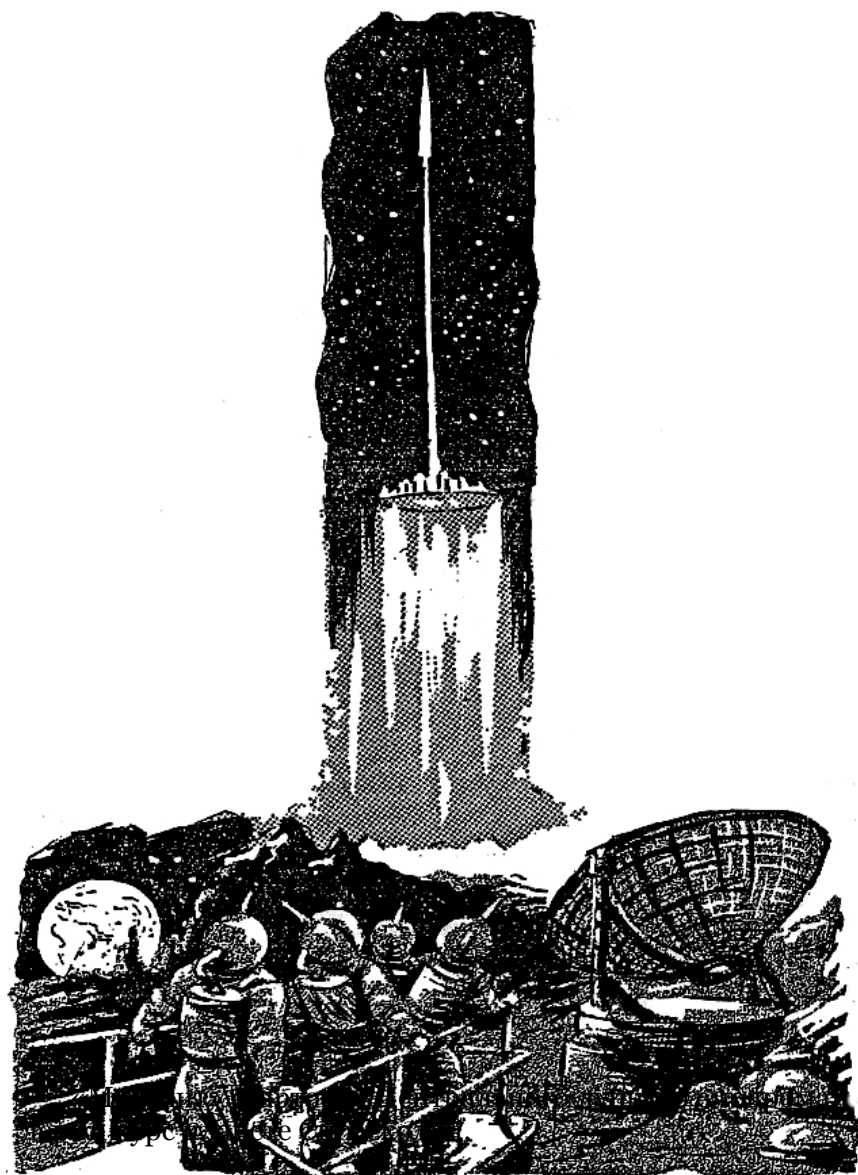
Бахтин и Соколов согласились.

Когда они ушли, Икар вышел из своего укрытия. Он ничего не сказал отцу: приказ командира на звездолете — закон. Мальчик просто крепко обнял его и быстро ушел к себе.

Больше половины земных суток для него не существовало ничего: ни корабля, ни «зоны неприступности», ни опасности, ни отца, ни друзей. И теперь, бесконечно радуясь пробуждению, Икар в первую очередь посмотрел на приборы, дублировавшие показания центрального пульта управления кораблем. Они занимали в маленькой каюте мальчика целую стену и быстрее всех могли рассказать ему о том, что произошло с кораблем и экипажем за это время.

Но... приборы ни о чем не говорили, ничего не показывали.

Икар кулаками протер глаза.

«Малахит» стартовал с Центрального лунного космодрома,
держа курс к планете Сирасколия.

«Наверно, доза снотворного была очень большой, — недоуменно подумал он. — Неужели я еще сплю? Да нет же, нет! Вот кресло... Вот микрокниги... Вот приборы... Но что с ними?»

Мальчик закрыл глаза, подошел к стене и резко провел по ней рукой. И... вскрикнул.

Нет, то, что он увидел мгновение тому назад, не было сном. Разбитые стекла приборов, перекошенные экраны локатора и телескопических устройств, сорванные со своих мест карты звездного неба — не приснились ему. Все это было. Было и безмолвно, но красноречиво говорило о том, что самые худшие опасения отца, очевидно, сбылись — «Малахит» потерпел катастрофу.

Икар бросился к креслу, в подлокотник которого был вмонтирован небольшой экран телевидеофона, и включил его. Но матовое стекло осталось слепым — ровный голубоватый свет крошечных ламп не осветил его изнутри. Тогда растерянный, охваченный тревогой мальчик закричал в микрофон:

— Отец, у меня в каюте разбиты все приборы! Телевидеофон не работает! Что случилось? Что случилось?

Решетка микрофона равнодушно проглотила его слова. Разнеслись ли они по всем трубкам и отсекам корабля? Придет ли ответ?

Икар замер, прислушиваясь. Ни одного звука.

Тогда Икар бросился к двери и толкнул ее. Высокая овальная дверь, которая раньше открывалась легко и бесшумно, сейчас не поддавалась. Видимо, перекосилась рама. Тогда Икар навалился на дверь плечом и забарабанил в нее кулаками. Но пористая обивка поглощала звуки; с таким же успехом Икар мог бы попытаться сдвинуть с места скалу.

Каюту заливал мягкий дневной свет. Уютная квадратная комнатка, к которой Икар так привык почти за четыре года полета, где ему были знакомы каждая книга, каждая карта, каждый прибор на лабораторном столике, показалась сейчас мальчику мышеловкой, западней. Он был замкнут в нее. Разбитые приборы, не позволявшие определить положение корабля, отсутствие связи, невозможность устано-

вить размеры катастрофы — все это заставляло тревожно сжиматься сердце мальчика.

Беспомощно потоптавшись у двери, он подошел к креслу и тяжело опустился в него. К этому мальчика приучил отец. Он всегда говорил:

— Если надо что-нибудь сделать и есть время подумать — подумай.

Икар стал думать.

Чем открыть дверь? Использовать стойку стеллажа вместо рычага? Не годится. Дверь сидит плотно, нет ни одной щели. Взорвать ее? А чем?

Икар вздрогнул. А подарок отца — К-лучевой пистолет?*

Как же он забыл о нем! Как хорошо, что пистолет хранится в ящике письменного стола, а не в командной рубке и не в арсенале! Правда, пустив в ход пистолет, он произведет значительные разрушения, но их можно будет исправить. В крайнем случае придется пожить некоторое время в каюте без двери.

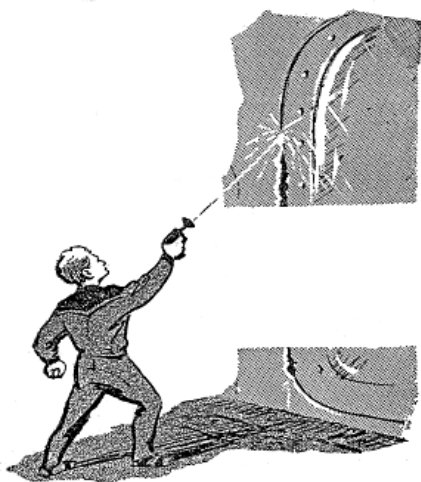
Икар метнулся к столу, достал пистолет и передвинул на рукоятке кнопку влево до отказа: чтобы пробить толщину стены «Малахита», нужна была чудовищная энергия.

В широкой воронке, которой оканчивался короткий ствол пистолета, вспыхнул яркий луч. Тонкий, словно игла, он уперся в дверь как раз в том месте, где она соединялась со стеной, и прошил ее насквозь. Икар, медленно поднимая руку, повел пистолетом вверх. И через мгновение дверь с тяжелым грохотом упала в центральный коридор. В стене образовалось зияющее расплавленным металлом отверстие. Мальчик выключил подачу энергии, отшвырнул пистолет и бросился в коридор.

В коридоре, похожем на высокую штольню, стояла тишина. Только негромко гудели уцелевшие приборы, отмечавшие вибрацию корпуса корабля, и мерно щелкали автоматические регуляторы воздуха. У стены висела узкая до-

* К-лучевой пистолет — оружие, использующее энергию, выделяющуюся при распаде к-частиц (фантастическое).

рожка эскалатора. Икар вскочил на нее и нажал кнопку. Но дорожка стояла, словно приклеенная к полу.

Икар, медленно поднимая руку, повел пистолетом.

Мальчик растерянно оглянулся. Куда бежать? В отсек главного двигателя? Да, скорее всего отец там. Не работает масса приборов, очевидно, не хватает энергии. Раз так, значит что-то случилось с двигателями. А может, отец в штурманской рубке, у главного пульта?

Раздумывать было некогда. До командной рубки было ближе, и Икар помчался туда.

С трудом сдерживая дыхание, Икар подбежал к штурманской рубке и рванул на себя дверь. Она легко поддалась, и он вбежал в большой круглый зал, в котором размещался мозг корабля: электронные машины, прокладывавшие курс, локаторы, регуляторы двигателей — тысячи сложных приборов, карты и схемы пути.

И здесь, в этом святой святых звездолета, где никогда не было ни пылинки, царил разгром. Правда, большинство приборов уцелело, и сейчас они оживленно перемаргивались разноцветными огоньками, но даже беглого взгляда Икару было достаточно, чтобы увидеть вырванные из своих гнезд счетчики, программные устройства, осколки стекла,

перекошенные рычажки на центральном пульте управления. Но сейчас все это не интересовало мальчика: у лока-тора фронтального обзора, широко раскинув руки, лежал его отец. Глаза его были закрыты, из уголка рта через подбородок на шею сбегала узкая полоска уже засохшей крови. Ни Бахтина, ни Соколова в рубке не было.

Глухо вскрикнув, Икар бросился к отцу. Задыхаясь, мальчик подтянул его к креслу и, собрав все силы, втащил отяжелевшее тело на мягкое, широкое сидение. Потом разыскал сосуд с водой и выплеснул ее отцу на лицо. Струйки воды побежали за ворот рубашки. Андрей Дмитриевич глубоко вздохнул и открыл глаза.

Несколько мгновений он всматривался в Икара затуманившимся взором и не узнавал его. Затем притянул мальчика к себе.

— Что случилось, отец? — растерянно опросил Икар, при-глаживая ладонью спутавшиеся волосы Ожегова. — Прибо-ры разбиты, Бахтина и Соколова нет, ты в крови...

— Катастрофа, — с трудом шевеля разбитыми губами, ответил Андрей Дмитриевич. — И, кажется, серьезная.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Без руля и без ветрил». Поиски и надежды Трагедия планеты Марс. Открытие Виктора Сергеева. Корабли летят к Сирасколии. Штурм «зоны неприступности». Перед неизвестностью.

Уцелевший хронометр на центральном пульте управления отсчитывал уже двадцать первый час с того мгновения, как «Малахит», потерявший управление, начал блуждать в бесконечных просторах Вселенной. Точнейшие астронавигационные приборы, которые удалось починить Ожегову и Икару, вычерчивали на шестиметровой карте звездного неба сложную кривую маршрута. Штурманская рубка была окутана полумраком. Скорость корабля резко падала. Метеориты, астероиды, осколки космических тел, проносившиеся мимо звездолета и не обладавшие силой притяжения, достаточной для того, чтобы навсегда приковать его к себе, непрерывно на мельчайшие доли градуса меняли его курс. Корпус корабля отзывался на эти изменения глухой вибрацией.

Андрей Дмитриевич, придя в сознание, двадцать первый час не отрывал воспаленных глаз от полусферического экрана локатора. Всякий раз, когда на черном бархатном поле появлялась огненная точка, в рубке раздавался резкий, тревожный звонок, сопровождавшийся сухим потрескиванием. Это сверхскоростная электронная вычислительная машина, соединенная с локатором, производила расчет траектории движущегося навстречу кораблю космического тела. И в те короткие доли секунды, пока Андрей Дмитриевич успевал охватить взглядом колонки цифр, вспыхивавших на продолговатом матовом экране «СВМ», леденящий холодок подступал к сердцу: механические роботы не действовали, импульсные противометеоритные орудия безмолвствовали.

Гибель главного и вспомогательных двигателей лишила их энергии.

Катастрофа произошла, когда ее меньше всего ожидали. «Малахит» уже прошел «зону неприступности» и готовился совершить последний прыжок к двойной 14-й звезде в созвездии Омега. Андрей Дмитриевич уже собирался вызвать из отсека главного двигателя Бахтина и Соколова, чтобы вместе уточнить дальнейший маршрут, когда чудовищный взрыв швырнул корабль вперед, и командир, ослепленный пламенем, вспыхнувшим за открытыми иллюминаторами, смятый внезапно возникшей перегрузкой, потерял сознание.

Когда в штурманскую рубку прибежал Икар, «Малахит» уже ничем не напоминал могучий корабль. Это было многотонное металлической веретено, которое сила инерции несла по неведомым просторам.

Андрей Дмитриевич откинулся в гидравлическом кресле и длинными пальцами потер виски. Ведь они прошли «зону неприступности»! Со времени запуска первого советского искусственного спутника Земли, который был совершен несколько веков назад, это была величайшая победа человечества над непроницаемым мраком Вселенной... И вот опять не разгаданные еще силы Космоса преградили им путь.

Их было четверо в этом звездолете — вершине инженерного гения землян, четыре человека и тысячи сложнейших машин и приборов, которые должны были помочь им проникнуть в неизмеримые просторы Космоса. Широкоплечий голубоглазый великан — Андрей Дмитриевич Ожегов — командир корабля и астронавигатор; юркий, подвижный, как ртуть, астробиолог и врач Бахтин; суровый, немного замкнутый Соколов — инженер-механик электронных машин и системы двигателей и Икар. По корабельным спискам Икар числился оператором съемочной аппаратуры, но охотно помогал чем только мог всем членам экипажа.

Свыше ста двух лет двигался луч света двойной звезды со скоростью 300 тысяч километров в секунду, прежде чем мог преодолеть чудовищное расстояние, отделяющее звезду от Земли. Для членов экипажа «Малахита», развивающего скорость, близкую к скорости света, все путешествие должно было продлиться двадцать лет. Это время называлось зависимым, потому что оно зависело от скорости звездолета. На Земле же за эти 20 «ракетных» лет пройдут два века.

Чудовищный взрыв швырнул корабль вперед.

«Малахит» был третьим звездолетом, предпринявшим попытку достичь района двойной звезды. Но вот и эта попытка, как две предыдущие, потерпела неудачу.

Ожегов свел на переносицу широкие изломанные брови. Третья экспедиция... И все равно люди долетят до Сирасколии! Долетят, потому что сейчас только там есть надежда встретиться с братьями по духу, по чувствам и стремлениям — с живыми, разумными существами.

Долгий путь побед и поражений медленно возник в усталом сознании Андрея Дмитриевича. Икар не мешал ему. Уставший, он молча сидел в кресле рядом и смотрел на приобы. А командир вспоминал.

Меньше чем через четверть века после запуска первого спутника планетолет «СССР-1» совершил посадку на Луне. Потом нога человека впервые ступила на Марс. К середине XXI века ионные планетолеты землян побывали на всех планетах солнечной системы.

С трепетом смотрели люди на экраны телевизоров, ожидая сообщений от первых межпланетных путешественников. Человеческое воображение, подогретое сотнями фантастических романов и научных гипотез, рисовало причудливые картины жизни на других планетах, встречи людей разных миров.

И эти сообщения пришли. Унылые пейзажи Луны — остроконечные горы, долины, гигантские кратеры вулканов, «моря», заполненные вместо воды космической пылью, — безмолвный и страшный в своей неподвижности мир глядел на людей с экранов телевизоров.

А потом замелькали другие картины, и они заставили всю Землю содрогнуться от ужаса.

Планетолет «Молния» начал спиральный облет Марса, и его передатчики послали на Землю рассказ о страшной трагедии, постигшей эту планету, о гибели цивилизации на ней. Люди увидели выжженную землю, покрытую плотным слоем радиоактивного пепла. Руины изумительных зданий, согнутые в узлы нечеловеческой силой металлические конструкции, гигантские каналы, заваленные землей, моря, в которых радиоактивные лучи убили даже бактерии — все это говорило о страшной атомной войне, которая стала самоубийством для марсиан. Ядерные взрывы сорвали и унесли часть атмосферы планеты; должны были пройти миллионы лет, прежде чем на ней могла снова зародиться и начать великую эволюцию жизнь, превращающая бесформенные белковые тела в человека.

Боль и отчаяние, охватившие землян при виде победы смерти над жизнью, сменились ликованием от сознания

того, что нам удалось предотвратить гибель своей прекрасной, цветущей планеты, что трагедия Марса никогда не повторится на Земле.

Передатчики планетолета «Молния» послали на Землю рассказ о страшной трагедии Марса.

Поиски разумных существ, высших форм жизни на других планетах солнечной системы продолжались. Но они были обречены на неудачу. На Венере и Сатурне из-за отсутствия свободного кислорода и колоссального количества энергии, которую планеты получают от Солнца, жизнь была представлена только мхами и лишайниками, простейшими микробами и бактериями, которые ученым удалось отыскать в полярных областях.

Встретить людей на далеких планетах — Юпитере, Уране и Нептуне никто не ожидал. Вечный холод и мрак царили на этих мирах, не знающих ласки солнечного луча, тихого дуновения ветерка, задумчивого всплеска волны...

Но солнечная система была только крохотным островком в безграничных просторах Вселенной. Далеко, за сотнями и тысячами световых лет пути, лежали «архипелаги» систем, подобных солнечной. И не на одной, а на сотнях планет развивалась жизнь, где близкая к уровню жизни на

Земле, а где и намного превосшедшая ее. И люди устремили свои взоры к этим мирам. Встретиться с теми, кто населяет их, наладить с ними постоянную связь — это была величайшая мечта человечества уже в первый век коммунистической эры.

Но только сравнительно недавно молодой ученый, главный астроном Лунной обсерватории, Виктор Сергеев сделал открытие, которое вселило в землян надежду, что эта мечта будет осуществлена. Виктор Сергеев занялся изучением звездной системы Омеги. Отсутствие на Луне атмосферы, затрудняющей наблюдения, мощные электронные телескопы, быстродействующая вычислительная аппаратура, которой была оборудована Центральная лунная обсерватория, позволили молодому астроному установить, что у шести из семидесяти двух звезд созвездия Омега есть свои планетные системы.

Особое внимание Сергеева привлекла планетная система двойной 14-й звезды. Расчетным путем он доказал, что она состоит из четырех планет, вращающихся вокруг своего Солнца — двойной звезды. Одна из этих планет по физической характеристике и по положению в системе двойной звезды приближалась к Земле. Виктор назвал ее Сирасколий — Надеждой.

Более десятилетия изучал астроном Сирасколию. Он установил, что ее объем всего на четверть превышает объем Земли, что Сирасколия имеет мощную атмосферу, предохраняющую ее от жестких излучений Космоса. Будучи удаленной от своего Солнца всего на 220 миллионов километров, она получает достаточно света и тепла. Незначительное наклонение оси планеты к плоскости ее орбиты должно было вызвать на Сирасколии смену времен года: суточный оборот вокруг своей оси она совершает за 38 часов, вокруг двойной звезды — Солнца — за 823 земных суток.

И Виктор Петрович сделал вывод, что на Сирасколии сила тяжести, атмосферное давление и температура близки к земным. А значит, на планете должны быть все условия для появления живых существ, родственных человеку, потому что по возрасту Сирасколия намного превосходила

Землю.

Открытие Сергеева вызвало огромный интерес.

Семь лет спустя была предпринята первая попытка достигнуть Сирасколии. Ионный звездолет «Надежда», стартовал с космодрома Луны. Экспедицию возглавил Виктор Сергеев.

Двигаясь со скоростью 280 тысяч километров в секунду, «Надежда» должна была совершить путешествие на Сирасколию и обратно за сорок независимых лет. За эти сорок лет должны были пролететь два земных века для членов экспедиции. Но звездолет на Землю не вернулся.

Более десятилетия изучал астроном Сирасколию.

Напрасно были нацелены в небо мощные радиоприемные установки и телескопы. Напрасно Земля ежедневно посылала радиосигналы, разыскивая своих отважных сыновей. «Надежда» бесследно исчезла в черных просторах Вселенной.

Но человечество не теряло надежды достичь Сирасколии. За двести лет наука и техника на Земле совершили гигантский прыжок вперед. На Сирасколию была направлена вторая экспедиция. Ее постигла судьба первой.

Тогда и возникло предположение, что звездная система Омеги состоит из антиматерии*, что это — антимир, куда никогда не сможет проникнуть человек.

Вопрос о полете на Сирасколию был похоронен на долгие годы.

Около десяти лет неутомимо добивался Андрей Дмитриевич разрешения на третью экспедицию. Он считал, что катастрофа постигла предыдущие звездолеты не потому, что они встретились с антиматерией, а потому, что были технически несовершенны, недостаточно мощны для того, чтобы преодолеть головокружительное расстояние, отделяющее планету Сирасколия от Земли. Наконец, звездолеты могли погибнуть от столкновения с метеоритами, которых, по наблюдениям и расчетам астрономов, было в этом районе Галактики очень много.

Около десяти лет борьбы...

Как Андрей Дмитриевич и ожидал, путь к Сирасколию закрывала область необычайного скопления осколков каких-то неизвестных планет, погибших миллионы лет назад. Эти осколки, занимая площадь поперечником в десятки световых лет, мчались по сложной завихряющейся спирали с колоссальной скоростью и обладали могучей силой притяжения. «Малахит» почувствовал ее задолго до приближения к зоне: чуткие приборы предупредили Андрея Дмитриевича, что звездолет вдруг стал стремительно набирать скорость. Только переключив все двигатели на торможение, уда-

* Антиматерия. — Все, что имеется на Земле, в том числе и сама Земля, построено из мельчайших частиц — атомов. Антивещество (антиматерия) тоже состоит из атомов. Но атомы «земные» и атомы антивещества — непримиримые враги. При сближении двух таких частиц происходит их распад, взрыв. Значит, и ракета, сделанная из земного вещества, попав на планету, состоящую из антивещества, взорвется.

лось спасти корабль от верной гибели. Перегрузка, создавшаяся при резком торможении, едва не стоила жизни членам экипажа.

Причина гибели «Надежды» и «Луча» была разгадана.

Попав в гравитационное поле*, они не смогли вырваться из цепкого плена «зоны неприступности». Поток осколков разрушил обшивку кораблей, превратил их в мельчайшие частички космической пыли еще до того, как астронавты могли успеть послать радиограмму о бедствии.

Несложные расчеты показали, что пробиться через «зону неприступности» невозможно. Андрей Дмитриевич собрал экипаж на совещание!

— Мне кажется, что скопление осколков неоднородно. Где-то должна быть область раскаленных газов, — сказал он. — Обойти «зону неприступности» мы не сможем. Надо найти газовый поток и попытаться пробиться сквозь него. Иного выхода, по-моему, нет.

Соколов утвердительно кивнул.

— Да, возвращаться ни с чем нам нельзя. Но и поиски прохода могут затянуться. Боюсь, что не хватит горючего. По крайней мере на обратный путь. А до Сирасколии при интенсивном торможении еще около пяти лет пути.

— Во всяком случае, дней десять поискать проход следует, — встал со своего места Бахтин. — Если мы доберемся до Сирасколии, не думаю, чтобы мы не смогли пополнить там запасы горючего.

Двенадцать дней искал «Малахит» проход в «зоне неприступности». Он легко скользил в черном океане Космоса, прощупывая высокочувствительными приборами его просторы. Фотонный двигатель, вынесенный далеко назад, чтобы уберечь экипаж от губительного действия излучения и соединявшийся с кораблем трубой-туннелем, по которой двигался скоростной лифт, делал корабль похожим на гигантскую трубу-веретено.

* Гравитационное поле — поле тяготения вокруг большой массы вещества.

Сложнейшие полупроводниковые и кибернетические приборы и устройства прокладывали курс корабля, предохраняли его от встреч с метеорами, автоматически включали импульсные орудия, которые вдребезги разбивали космические тела, грозившие столкнуться со звездолетом. Они контролировали расход горючего и содержание кислорода в воздухе, температуру в корабле и освещение... Но заменить людей они не могли — приборы подчинялись их команде.

На исходе двенадцатых суток, когда Андрей Дмитриевич уже начал колебаться, стоит ли продолжать поиски, потому что, борясь с колоссальным притяжением «зоны неприступности», «Малахит» расходовал очень много горючего, радиолокационные приборы отметили границу между твердыми частицами зоны и областью светящихся газов. В квадрате Альфа-217 Андрей Дмитриевич дал приказ бросить «Малахит» на прорыв. Тогда-то он и отправил Икара в свою каюту, приказав ему принять снотворную таблетку.

Соколов и Бахтин ушли в отсек главного двигателя. Несмотря на показания приборов, свидетельствующие, что обшивка «Малахита» должна выдержать температуру газов, а двигатели — преодолеть силу притяжения, члены экипажа понимали, что борьба будет тяжелой и напряженной.

Но иного выхода не было.

...Андрей Дмитриевич вспомнил, как «Малахит» вошел в «зону неприступности».

Могучий светящийся поток потряс корпус корабля. Стрелки приборов, отмечающие вибрацию, поползли вверх. Но металл выстоял. Андрей Дмитриевич включил все холодильные установки, чтобы сбить быстро поднимающуюся температуру, и это удалось ему, хотя иногда жара в рубке достигала 50-60 градусов.

Их было четверо на «Малахите», и корабль, развив большую скорость, менее чем за 15 часов прорвался сквозь «зону неприступности». Взрыв произошел, когда звездолет

уже выходил на свободный космический простор и начал набирать скорость. Очевидно, колоссальная температура газа вызвала перегрев отражателей главного двигателя, изменила атомную структуру металла. Отражатели начали оплавляться, мгновенно, заменить их запасными механические роботы почему-то не смогли. Колоссальная энергия, не подчиняясь уже регуляторам, вырвалась на свободу. Чем можно было иначе объяснить взрыв двигателей и, по-видимому, смерть Бахтина и Соколова, Ожегов не знал.

...На панели, привлекая внимание Андрея Дмитриевича, тревожно зацеккал прибор, контролирующий запасы энергии в аварийных батареях. Командир равнодушно посмотрел на него. Тридцать пять суток... Так он и думал. Еще тридцать пять суток аварийные батареи будут питать энергией уцелевшие приборы, подавать воздух, поддерживать температуру в рубке. А затем, если корабль не попадет в метеоритный поток и не погибнет, на пультах погаснут разноцветные лампочки, и леденящий холод начнет просачиваться через его обшивку.

Смерть... Андрей Дмитриевич решительно встал с кресла. Нет, о смерти думать рано. Тридцать пять суток... Это ведь очень много времени. Командиру не раз приходилось бывать в авариях, когда счет шел не на сутки, а на минуты и даже секунды, и когда только неукротимая жажда жить помогала ему одержать победу. А сейчас он должен добиться победы любой, ценой, чтобы спасти Икара.

Прежде всего надо было осмотреть останки корабля. Неловко ступая по мягкому, ворсистому ковру, затягивавшему пол рубки, Андрей Дмитриевич подошел к креслу, в котором задумчиво сидел Икар, и осторожно положил ему на плечо руку.

— Нам надо поговорить, сынок, — негромко сказал он. Икар резко поднял голову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отец и сын. Осмотр звездолета. Звезда, зажженная «Малахитом». Ожегов ищет решение.

Ожегов с затаенной нежностью посмотрел на сына. Вот уже пять с лишним лет Икар делил с ним радости и трудности жизни астролетчика, и только сейчас он мучительно пожалел о том, что взял сына в это опасное путешествие. А был ли другой выход? Ожегов отрицательно покачал головой: нет, не было.

Конечно, малышу лучше было бы оставаться на Земле, такой родной и уютной, знакомой до каждого ручейка, до каждого кустика и камешка, учиться в школе вместе со своими сверстниками и, только достигнув физической и духовной зрелости, вступить на тропу покорителей межзвездных просторов. Но с тех пор как, предотвратив взрыв атомного реактора и спасая сотни людей, погибла его мать, Икар ни одного дня не мог прожить без отца. Ему шел тогда седьмой год.

Когда Андрей Дмитриевич в первый раз после смерти жены оставил сына у бабушки и улетел с обычным грузовым рейсом на Луну, мальчик так тяжело заболел, что врачи посоветовали Ожегову сменить профессию и не разлучаться с сыном, потому что это может привести к очень тяжелым последствиям. Сменить профессию он не мог, он был астролетчиком, жизнью его, воздухом его были космические корабли. Не прислушаться к предупреждению врачей он тоже не мог — Андрей Дмитриевич очень любил своего сына.

В это время в ангарах Лунного космодрома полным ходом шли работы по сборке «Малахита». И Ожегов решил взять Икара с собой.

Разве мог он расстаться с мальчиком, собираясь в экспедицию на Сирасколию?! Ведь «Малахит» улетал в Веч-

ность. В лучшем случае к моменту его возвращения на Земле должно было пройти двести лет. Любая задержка в пути удлиняла этот срок.

Отправившись в этот полет, члены экипажа звездолета навсегда прощались со всеми — родными, близкими, друзьями. Прощались, чтобы уже больше никогда не встретиться. За двести лет на Земле должно было вырасти совершенно новое поколение.

Конечно, их будут ждать, о них будут помнить. Конечно, их окружают любовью и почетом, этих пришельцев из глубин двух веков. Но все равно они будут чужими среди чужих, одинокими в любой толпе, ушедшими далеко вперед и одновременно безнадежно отставшими. И они обрекают себя на это одиночество, не страшась его, во имя великой цели.

К тяжести невозместимой утраты Ожегов не мог прибавить еще одну. Вернуться на Землю здоровым пятидесяти-семилетним мужчиной, когда твой сын, твой маленький мальчик с голубыми словно озера глазами и смешным хохолком на макушке, умер стопятидесятилетним или двухсотлетним стариком, — об этом он даже подумать не мог.

У Бахтина и Соколова не было детей. Они были молодыми двадцатипятилетними парнями, посвятившими свои жизни суровой и нелегкой работе астролетчиков. У каждого из них на Земле оставались отцы, матери, братья, сестры. У Ожегова, кроме Икара, не было никого.

И Ожегов обратился в Совет Покорения Космоса с просьбой разрешить ему включить Икара в состав команды звездолета. Сборка «Малахита» должна была еще продолжаться около года. Андрей Дмитриевич знал, что за эти годы он сможет многому научить мальчика, подготовить его к предстоящему полету.

Совет Покорения Космоса, учитывая выдающиеся заслуги Ожегова, разрешил ему в порядке исключения взять сына с собой.

После пятимесячной тренировки Андрей Дмитриевич привез Икара в лунную колонию, а вскоре взял его в первый рейс «Земля-Марс».

Когда-то Икара звали просто Игорем. Новое имя ему дали астролетчики — друзья отца в память об отважном сыне легендарного Дедала, устремившемся к Солнцу. Сперва Игоря называли Икаром шутя; а потом привыкли. Все, даже отец.

Андрей Дмитриевич в душе гордился сыном. Икар рос смелым, не по возрасту смышленным парнишкой. Окруженный сложнейшими механизмами и приборами, он пытливо присматривался к ним, незаметно усваивая основы науки звездоплавания. Астронавты, тосковавшие по своим семьям, по своим детям, которых они не видели годами, отцовской любовью полюбили мальчика и, как могли, опекали его, готовили к трудной, но героической профессии.

Когда на стапелях космодрома заканчивалась сборка «Малахита», части которого на Луну доставляли грузовые ракеты, Икар в легком скафандре облазил на нем все закоулки. Сборщики шутили, что мальчик радуется предстоящему путешествию больше, чем все остальные члены экипажа, вместе взятые.

Со времени старта «Малахита» прошло около пяти лет. Глядя на сына, Ожегов с мягкой улыбкой подумал о том, как он подрос и возмужал. Он ласково взял руки Икара в свои ладони.

— Сейчас мы выйдем и осмотрим останки «Малахита», — сказал Андрей Дмитриевич. — Раньше это сделать было нельзя — дозиметры отмечали, что мы, как хвост, тянем за собой жесткие излучения, возникшие от взрыва двигателей и запаса горючего. Наши скафандры их не выдержали бы. Сейчас радиация ослабла. Одевайся! Когда вернемся, подумаем, что делать дальше.

В шлюзовой камере отец и сын быстро надели скафандры, снабженные портативными радиостанциями и крохотными реактивными двигателями для перемещения в безвоздушном пространстве. Ровно загудели насосы, отсасывая из шлюзовой камеры воздух, мотор бесшумно отодвинул тяжелый люк, и по легкой металлической лесенке они вышли на площадку верхнего обзора своего корабля, вернее, того, что от него осталось.

Икар в легком скафандре облазил все закоулки «Малахита».

Черная космическая ночь окружала их. Где-то там, вдалеке, ярко сверкали звезды Омеги, словно драгоценные камни, вкрапленные в черный бархат. Отсюда их можно было видеть невооруженным глазом. Левее клубилась, пересыпанная крохотными звездочками, спиральная туманность, уходящая к центру Галактики. Мир безмолвия, враждебный мир жестокого холода раскинулся вокруг на миллиарды километров.

Икар невольно вздрогнул. Маленьким, обреченным на гибель показался он себе перед головокружительным расстоянием, отделявшим их от родной Земли, перед всеми препятствиями, лежавшими на этом пути.

Вдруг внимание мальчика привлекла необычайная звезда, горевшая совсем недалеко, у самого края чуть светящейся полосы, охватывавшей всю северную часть неба. Звезда горела пульсирующим, неровным светом. Время от времени из нее вырывались огненные вихри. Какое-то мгновение они спиралями вписывались в небо, а затем бесильно падали на звезду, взметая фонтаны крупных искр. На карте звездного неба, на которую Икар взглянул перед выходом из звездолета, этой звезды не было.

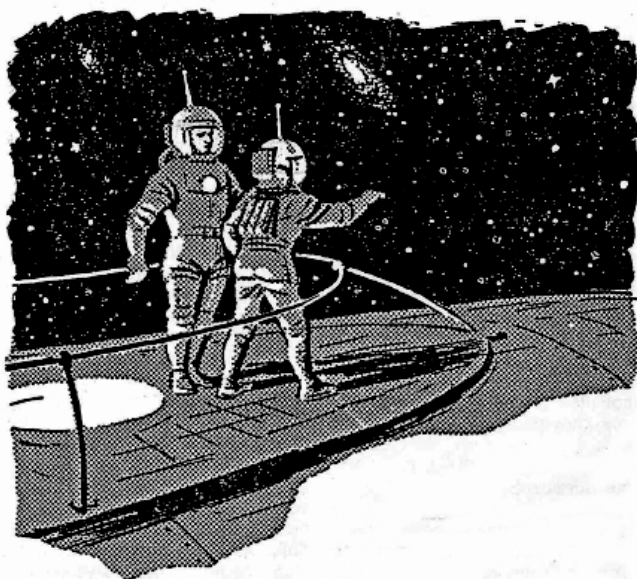
— Что это за звезда, отец? — крикнул он в микрофон.

— Это все, что осталось от нашего двигателя и запасов горючего, — услышал мальчик в наушниках глухой голос отца. — Эту звезду мы, к несчастью, зажгли сами, сейчас там происходит цепная ядерная реакция колоссальной мощности.

Андрей Дмитриевич включил прожектор, укрепленный на скафандре. Широкий луч света вырвал «Малахит» из черноты вечной ночи. И только помня о том, что Икар слышит каждый его вздох, командир сдержался и не вскрикнул от горя, охватившего его.

Силой взрыва шестидесятиметровое сооружение высотой с трехэтажный дом, в котором размещались главный и вспомогательный двигатели, вместе с трехсотметровой соединительной трубой было отрезано, словно бритвой. От корабля осталась только собственно ракета — помещение для экипажа, лабораторий, приборов — сорокадвухметро-

вая сигара девяти метров в диаметре с днищем, увенчан-
ным вздыбившимися волнами расплавленного, разодран-
ного металла. При взрыве металл намертво заклепал выход
из корабля в соединительную трубу, автоматические зат-
воры шлюзов не допустили вторжения холода безвоздуш-
ного пространства.

Черная космическая ночь окружала их.

Потрясенный, смотрел Ожегов на результаты катастро-
фы. Весь опыт ученого и инженера не мог ему подсказать,
какие силы бросили корабль в момент взрыва вперед, спа-
сли его и Икара от мгновенной гибели. Объяснение могло
быть только одно — в последнюю секунду перед взрывом
Соколов и Бахтин, чтобы спасти их, пожертвовали собой.
Они отсоединили ракету от двигателей и успели переключить
их на торможение. Этой секунды было достаточно, чтобы
«Малахит» ушел от центра взрыва на безопасное

расстояние. И только на днище его взрыв оставил свою отметку.

За двадцать два часа, которые прошли после катастрофы, скорость «Малахита», благодаря трем значительным отклонениям от курса, упала. Но Ожегову и Икару казалось, что корабль вообще неподвижно висит в пустоте, и о том, что он движется, они знали только по тому, что перед выходом из штурманской рубки посмотрели на приборы.

Взрыв вырвал из корабля сердце — двигатель, лишил его крови — энергии, и сейчас он был похож на медленно остывающий труп.

Энергия, которая оставалась в резервных аварийных батареях, нужна была Ожегову для дела, в которое он не хотел посвящать Икара. Поэтому, приняв решение, Андрей Дмитриевич выключил прожектор и шагнул в открытый люк шлюзовой камеры. Икар молча последовал за ним.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В штурманской рубке. «Я не оставлю тебя!» «Звездочка» — надежда астронавтов. Дорога в десять лет. Жесткое слово: «надо». Перед отлетом. «Я вернусь, отец!»

— Садись.

Сев в глубокое вращающееся кресло у пульта управления и мельком взглянув на экран локатора, Андрей Дмитриевич указал Икару на соседнее кресло. Мальчик осторожно сел на самый краешек и вопросительно посмотрел на отца.

— Очень скоро энергия в аварийных батареях иссякнет, — спокойно, как о чем-то совсем обыденном, сказал командир. — Через месяц с немногим вся энергетика «Малахита» переключится на гелиоэлектростанцию. Она улавливает сейчас совсем ничтожное количество лучей. Этой энергии хватит только на то, чтобы поддерживать постоянную температуру внутри корабля и приводить в действие приборы по выработке кислорода и регулированию состава воздуха. Пищи и воды у нас хватит на тридцать лет. «Малахит» прекратит свое существование только в том случае, если столкнется с крупным метеором или попадет в зону притяжения какой-нибудь звезды и сгорит в ней.

Андрей Дмитриевич испытующе посмотрел на сына.

— Я послал радиogramму на Землю. Если она не встретит никаких помех, через 20 лет людям станут известны подробности катастрофы. И тогда на Сирасколию полетят новые корабли.

— Но нас уже не будет, отец, — чуть слышно сказал Икар.

— Нет, мы должны быть, малыш, — уверенно ответил Андрей Дмитриевич. — Не знаю, как я, но ты... ты обязательно должен быть. Я мечтал о Сирасколии всю жизнь, и если мне не удастся, ты должен быть среди первых, кто достигнет ее. Именно поэтому нам с тобой придется рас-

статься, сынок. Выход только один — «Звездочка». «Звездочка» отнесет тебя на Землю всего за шесть-семь лет.

Синеватая бледность разлилась по лицу Икара. словно подброшенный тугой пружиной, он вскочил с кресла и схватил отца за руки.

— Я не оставлю тебя! Слышишь!.. Я не оставлю тебя, я не полечу на «Звездочке», — задыхаясь, шептал Икар, и крупные слезы дрожали в уголках его глаз. — Если нам обоим нельзя спастись, мы погибнем вместе.

Сдерживая волнение, Андрей Дмитриевич ласково погладил сына по голове.

— Погибнуть — это самое простое, что мы можем сделать. Но мы должны жить, непременно должны жить, чтобы открыть людям тайну «зоны неприступности», чтобы опять повести к Омеге свои корабли. Поверь, мне тоже нелегко расставаться с тобой, но больше ничего придумать нельзя. Ты приведешь сюда новый звездолет, и, может быть, мы еще встретимся с тобой, чтобы вместе закончить наш полет. Будь мужчиной, Икар! Земля ждет тебя. А здесь, в Космосе, тебя буду ждать я.

Икар знал, что если отец говорит о «Звездочке», значит, это действительно единственный и самый разумный выход. Прижавшись лицом к его груди, он беззвучно плакал, потому что, несмотря ни на что, понимал: когда он вернется с Земли с новым кораблем и найдет (да и найдет ли!) останки «Малахита», отца уже не будет в живых.

«Звездочка» была двенадцатиметровым конусом «Малахита», автоматической аварийной ракетой с самостоятельным двигателем. Запаса энергии в ракете должно было хватить только на первый толчок, который бы вывел ее на заданную траекторию. Дальше она должна была двигаться в свободном полете. Все ее отсеки были заполнены контрольной аппаратурой. В случае катастрофы, которая грозила бы полным уничтожением корабля, ракета, в специальных контейнерах которой хранились карты, схемы, микрофото пленки, результаты всех наблюдений, автоматически отделялась от корпуса звездолета. После этого кибернетический робот должен был включить механизмы, рассчи-

тать курс и повести ракету по направлению к Земле. На орбите Плутона специальные устройства должны были перехватить ее, чтобы люди на Земле могли узнать результаты экспедиции.

Использовать двигатель «Звездочки» для «Малахита» было невозможно: маломощный, он не смог бы провести большой корабль через «зону неприступности», не выдержал бы единоборства с силой притяжения осколочной материи. Нельзя было идти с ним и к Омеге. Крупные, тяжелые звезды созвездия притянули бы звездолет к себе, и он бы сгорел в пучине огня, задолго до того, как успел бы приблизиться к любой из них.

«Звездочка» не предназначалась для спасения людей. В ракетах подобного типа строго рассчитан каждый килограмм веса, каждый квадратный сантиметр площади. Губительными были бы для пассажиров «Звездочки» и жесткие радиоактивные излучения, которые, хотя и в незначительной степени, но все же проникали сюда сквозь защитные покрытия.

И все же после сложных расчетов, выполненных с помощью электронной вычислительной машины, Ожегов решил, что вместе с приборами в ракете может улететь Икар и, если одеть его в непроницаемый для излучения скафандр, есть надежда, что он благополучно достигнет Земли. Для этого надо облегчить вес ракеты на столько, сколько весят Икар в скафандре и приборы для выработки и регулирования воздуха. Всего около семидесяти килограммов. Ровно столько весит одно из трех автоматических импульсных орудий, предназначенных для уничтожения метеоритов. Из опыта пятилетнего полета Ожегов знал, что третья пушка — конструкторский просчет. Двух было вполне достаточно, потому что вероятность столкновения крохотной «Звездочки» с метеоритом в безбрежных просторах Космоса была ничтожной...

Все это Андрей Дмитриевич объяснил вздрагивающему от волнения Икару. И только в одном он покривил душой — путешествие на «Звездочке» к Земле, даже при самых благоприятных условиях, когда ракете не пришлось

бы ни разу менять свой курс, должно было занять не шесть лет, а по крайней мере вдвое больше. Командир знал — открой он это Икару, отними у мальчика надежду спасти его, — и все было бы кончено: он никогда не оставил бы «Малахит».

— Возьми себя в руки, сынок, — твердо сказал Андрей Дмитриевич. — Запасы энергии подходят к концу, а у нас еще много работы.

И, бережно отстранив Икара, он вышел из штурманской рубки. Скоростной лифт перенес его в носовой конус корабля.

Надо было освободить место для Икара, сделать какое-то подобие каюты, и Андрей Дмитриевич приступил к работе. Насупленный Икар молча помогал ему — относил разобранные детали в глубь корабля.

Вскоре «каюта» была готова. Это была прямоугольная выемка шириной в семьдесят сантиметров, длиной в два и высотой в полтора метра, которая выходила к пульту управления ракетой. Стараясь не глядеть на сына, Андрей Дмитриевич установил в каюте гидравлическое кресло, потому что Икар большую часть пути должен был провести во сне, принес микрофильмы и любимые микрокниги мальчика. Обдуманно, не торопясь, уложил он в контейнеры документы экспедиции, корабельный журнал, карты, пленки — все, что там, на Земле, должно было помочь людям довершить все его дело; отрегулировал аппараты, подающие и меняющие воздух; засунул в карман Икару коробку с питательными и снотворными таблетками. Его лицо побледнело, но движения были точными и размеренными. И только по тому, как резко бились синие жилки на его висках, как судорожно сглатывал он время от времени сухой ком, застрявший в горле, можно было понять, как ему тяжело.

Сигнальная красная лампа на потолке коридора трижды моргнула, предупреждая, что запасы энергии в первой очереди батарей подходят к концу. Молочно-белый дневной свет, заливавший все вокруг, стал медленно блекнуть, разбрасывая по углам густые тени. Андрей Дмитриевич

бережно прижал к себе Икара и начал помогать ему надевать тяжелый скафандр.

Мальчик уже не плакал. Привыкнув всегда и во всем верить отцу, он и сейчас поверил в то, что скоро вернется на новом корабле, который будет в сто, нет, в тысячу раз лучше «Малахита». Он разыщет останки «Малахита» в космической пучине и спасет отца. Ведь он говорил, что сможет удержаться свыше тридцати лет. Значит, времени достаточно. А потом они вместе возьмут курс на Сирасколию. А «Малахит»... Корпус «Малахита» они приведут на Землю и установят его на самой большой площади Москвы, как памятник Соколову, Бахтину и другим героям, погибшим в борьбе за покорение межзвездных пространств.

И глаза мальчика, полные недетской скорби и горя, пристально глядели на отца, словно хотели навсегда запечатлеть каждую черту его мужественного, открытого лица, его широкие плечи, согнутые невидимой тяжестью, и синие жилки на ловких, сильных руках ученого и строителя — то неповторимое и родное, что заключено в самом слове — отец.

Щелкнули затворы шлема, и Икар шагнул в каюту. Медленно закрылся люк, и уже в наушниках он услышал приглушенный голос отца.

— Мужайся, сынок, — говорил Андрей Дмитриевич. — Помни, я верю в тебя. Верю, что ты поведешь еще не один корабль на штурм звездного мира через «зону неприступности», через все трудности, которые выпадают на долю первооткрывателя. Лети, Икар! Счастливого тебе пути, малыш!

— Прощай, отец! — глотая набегающие слезы, крикнул Икар в микрофон. — Я еще вернусь! Слышишь! Я обязательно вернусь!

Ожегов нажал на кнопку, и «Звездочка», отделившись от «Малахита», превратившегося сейчас в куцый металлический цилиндр, начала стремительно набирать скорость. Некоторое время Андрей Дмитриевич, припав к электронному телескопу, еще видел яркую точку, катившуюся по небосклону, а затем она растаяла в черноте космической ночи. Он остался один. У командира больше не было ни экипажа, ни корабля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Одиночество. Годы, события, люди... Мечте навстречу. В погоне за скоростью Жизнь продолжается. Пятно на экране локатора. Звезда или планета?

Пошатываясь, Ожегов вернулся в штурманскую рубку и устало опустился в кресло. Почти все источники освещения погасли, только небольшой замаскированный плафон над пультом управления скупно освещал приборы.

Энергия, оставшаяся в резервных аварийных батареях, нужна была Андрею Дмитриевичу совсем для другой цели.

Ожегов подумал о сыне и грустно улыбнулся. Сегодня впервые в жизни он дважды сказал ему неправду. Вначале, когда заверил мальчика, что полет на «Звездочке» продлится шесть-семь, а не двенадцать-четырнадцать лет. И затем — когда сказал, что уже отправил радиogramму на Землю.

— Сынок, сынок... — с трудом сглотнув вязкий ком, застрявший в горле, прошептал Андрей Дмитриевич. — Не мог же я на самом деле сказать тебе, что мы уже никогда не увидимся. Не мог я тебе сказать, что, послав радиogramму, я обрекаю себя на смерть, что она исчерпает всю энергию запасных батарей и ее еще будет мало, очень мало. Мне бы ее хватило на месяц, а месяц — это такая масса времени, когда может случиться многое.

Только сейчас, когда тебя уже нет на «Малахите», я отправлю радиogramму о катастрофе. Отправлю, даже если после конца передачи на корабле замрут все приборы. Ведь гелиоэлектростанция не улавливает почти никаких лучей: «Малахит» находится очень далеко от ярких светил. А энергию уцелевших планетарных двигателей можно использовать лишь при взлете и при посадке.

Я не имею права надеяться только на то, что сведения, которые я послал с тобой, благополучно дойдут до Земли.

Твой путь, сынок, далек и тяжел, и еще неизвестно, удастся ли тебе завершить его. А тайна «зоны неприступности» должна быть разгадана в любом случае. Стоит тебе сбиться с пути, и на Земле твердо поверят в то, что звездная система Омеги состоит из антиматерии. И тогда погибнет моя мечта и мечта миллионов людей. А это не должно случиться.

Ожегов встал и вышел из штурманской трубки в радиоаппаратную. Сосредоточенно, не торопясь, он закодировал краткое сообщение о причинах катастрофы «Малахита», затем подключил батареи на передатчик, рассчитал направление сигналов и нажал на кнопку подачи энергии.

И короткие голубые всплески энергии по специальному каналу устремились из корабля в черную пучину космоса.

Стрелки на счетчиках, показывавших запасы энергии, резко поползли вниз. Передать свою подпись под радиogramмой Ожегов уже не успел: циферблаты всех приборов мгновенно погасли.

Спотыкаясь в темноте, ощупывая, словно слепой, руками стены, Ожегов вернулся в штурманскую рубку, нашел кресло и сел в него.

Вот и все. Сейчас пусть в аккумуляторах накапливается та ничтожная энергия, которую может дать гелиоэлектростанция. Может быть, она пригодится, чтобы еще раз включить локатор и приборы или обновить состав воздуха. А пока делать ему больше совершенно нечего.

Сейчас с каждой секундой Икар удалялся от него больше чем на 280 тысяч километров. Долетит ли он до Земли? Андрей Дмитриевич невольно вздрогнул, когда представил себя на месте Икара. Двенадцать-четыре года в одиночестве!.. Какое это счастье, что эти долгие годы он проведет во сне. Питающие автоматы, которые зарядил Ожегов, будут поддерживать организм мальчика, они, как заботливые няньки, будут следить за каждым его движением.

...Веселые звуки марша, заполнившие рубку, заставили Ожегова выпрямиться в кресле. Они говорили о том, что

прошло уже шесть часов с того мгновения, как он Остался на «Малахите» один, и пришло время гимнастики и обеда. Андрей Дмитриевич так привык к режиму на корабле, который соблюдался исключительно строго, что, отогнав обступившие его воспоминания, пошел в крошечной темноте в спортивный зал. Поплавав в бассейне, наполненном голубой ионизированной водой, и сделав несколько сложных упражнений, он вернулся в штурманскую рубку освеженный и бодрый, чтобы перед обедом взглянуть на показания приборов. На несколько секунд их можно было включить — в аккумуляторах гелиоэлектростанции уже накопилось немного энергии.

И он увидел, что «Малахит» вступил в зону темной туманности и медленно, но неуклонно набирал скорость. Очевидно, на корабль начало действовать гигантское гравитационное поле неизвестной звезды или планеты, затаившейся в глубине туманности. Скорость уже составляла около трех километров в секунду, и стрелка электронного измерителя продолжала идти вверх. Линия маршрута на карте превращалась в широкую дугу.

Маленькое пятнышко на экране локатора насторожило Андрея Дмитриевича. В это же мгновение ровно загудела вычислительная машина, на матовой панели вспыхнул длинный ряд цифр, и Ожегов, похолодевший от волнения, включил планетарные двигатели. Останки «Малахита» стремительно притягивались к какому-то космическому телу.

«Малахит» вздрогнул. Огромную перегрузку, возникшую при включении планетарных двигателей, начавших торможение, мог выдержать только такой закаленный и натренированный человек, как Ожегов, для всякого другого она была бы губительной.

Через час скорость «Малахита» упала до двух километров в секунду, а вскоре, регулируя подачу энергии и направление реактивных струй, Ожегов ввел его в атмосферу неизвестной планеты, выпустил тормозные парашюты. Корабль превратился в спутника планеты.

Мощный телескоп, снабженный расчетным устройством, от которого ни на мгновение не отходил Ожегов после

того, как убедился, что планетарные двигатели и парашюты крепко удерживают корабль, рассказал ему о том, что сверкавшая отраженным светом красной звезды неизвестная планета остыла миллионы лет тому назад. Сейчас это было главное. Ожегов знал, если «Малахит» не сгорит в ее атмосфере, планета сможет стать ему надежным пристанищем на долгие годы, пока не появится в этом районе новая экспедиция землян. А это было лучше, чем бесцельно бороздить просторы космоса, рискуя быть в любое мгновение уничтоженным каким-нибудь метеоритом или осколком материи.

И он повел «Малахит» на посадку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Звездочка» начинает полет. Встреча с Землей. Поединок с метеоритом. К «проходу Ожегова». Сигнал из космоса.

Глаза, управляющие машинами. Удар. Во власти неведомого. Чужой звездолет.

Сознание медленно возвращалось к Икару. Вначале перед глазами в быстром хороводе проплыли оранжевые, фиолетовые, желтые круги, затем появилось ощущение ноющей, тупой боли во всем теле, вызванной перегрузкой при отлете «Звездочки». Икар уже не раз испытывал такую боль и знал, что через несколько минут она пройдет, оставив после себя лишь чувство непомерной усталости, которое тоже незаметно исчезнет.

Но на этот раз все было совсем по-другому. Замкнутому в тесной кабине мальчику казалось, что боль никогда не утихнет: тонкий комариный звон заложил ему уши, жгучая тоска по отцу захлестывала воспаленный мозг.

Вот и все. «Звездочка» мчится по направлению к орбите Плутона, ведомая сложнейшими машинами. Она не собьется с курса, заданного отцом, и, если ему удастся благополучно миновать «зону неприступности», через шесть лет космические корабли Земли, возможно, подберут его. И тогда Икар передаст им документы, которые отец сложил в этих продолговатых контейнерах, тускло поблескивавших в своих гнездах, и поведет новый корабль к двойной 14-й звезде в созвездии Омега, до которой так и не долетел его отец.

Пробыть шесть лет одному в крохотной кабине, в которой можно сделать только три шага в длину и один в ширину!.. Икар вспомнил старинную книгу об узниках Петропавловской крепости, которые томились в таких одиночках десятки лет, и ему стало страшно.

И вдруг он услышал песню. Здесь, в космосе, в миллиардах километров от Земли сильный мужской голос пел песню о смелых людях, проложивших дорогу к звездам. Это была любимая песня отца.

На экране засверкали негасимые звезды Кремля.

Икар привстал, и глубокое чувство благодарности к отцу заполнило его. Милый, славный отец, такой суровый и ласковый, добрый и чуткий. Он знал, как тоскливо будет Икару в первые часы пути, и подумал о том, как скрасить их. Это по его приказу кибернетический робот включил телевизионную установку, это он подобрал программу передач, которые они так любили смотреть вместе...

Икар подошел к пульту управления. Все приборы работали безукоризненно. Не снимая скафандра, мальчик с ногами забрался в кресло, затем нажал на кнопку, вмонтированную в подлокотнике. Кресло повернулось, и он начал смотреть телевизионную передачу. Принятая с Земли на искусственном спутнике-космодроме, она была записана на магнитную пленку и, по заданию, могла любое количество раз оживать на большом экране телевизионной установки.

Земля... Густые боры, подпирающие вершинами деревьев небо, такое голубое и такое прозрачное, каким оно мо-

жет быть только на Земле. Величавые реки, несущие свои воды в моря и океаны. Горные хребты, нахлобучившие снеговые шапки. Золотой разлив хлебов...

В тесную кабину ворвался малиновый перезвон кремлевских курантов, на экране засверкали негасимые звезды Кремля. Мальчик, как зачарованный, смотрел на них. В эти минуты он забыл о том, что он совсем один — крохотная песчинка в безбрежном океане Вселенной, что впереди — долгий путь, что тяжелая утрата непосильным грузом лежит на сердце. Ему казалось, что рядом сидит отец, что он сжимает двумя руками его тяжелую руку и слышит его глухой, хриповатый голос: «Лети, Икар! Ты обязательно должен долететь!»

Икар потерял счет времени, он смотрел и смотрел, не в силах отвести взгляд от прекрасной картины расцветающей Земли.

Наконец раздался сухой щелчок, и экран погас. И репродуктор голосом отца произнес:

— А сейчас, сынок, достань из кармана и прими три питательных таблетки. В них подмешано снотворное. Ты уснешь и проснешься через шесть лет, когда «Звездочка» уже приблизится к орбите Плутона или выйдет из нее. Будь мужественным, Икар! Ты непременно должен долететь!

Прокусив до крови губу, Икар молча смотрел в репродуктор, скрытый за серым металлом корпуса телевизионной установки. Еще одно, хоть одно слово!

Но репродуктор молчал.

Проглотив солоноватую слюну, он достал из кармана куртки плоскую коробочку и раскрыл ее. В ней лежало двенадцать небольших шариков. Икар поддержал шарики на ладони и положил их в коробочку. Это еще успеется.

«Звездочка» приближалась к «зоне неприступности». Вот на экране локатора появился первый ее вестник — метеорит. Электронная вычислительная машина мгновенно рассчитала его траекторию, и Икар отчетливо увидел его в оптическом прицеле атомной пушки. Затем раздался залп, и метеорит исчез.

«Звездочка», пожирая в каждую секунду около ста тысяч километров пути, неслась к «проходу Рика», как Икар мысленно уже назвал проход Альфа-217 в «зоне неприступности». Делать было нечего. Икар снова достал коробочку с шариками и подбросил ее на ладони. Да, наверно, надо ложиться спать.

И опять звонок предупредил его о приближении метеорита. На экране локатора задрожало мутное пятнышко. Защелкали рычажки на пультах управления импульсными орудиями. Сейчас раздастся залп, и дорога станет свободной.

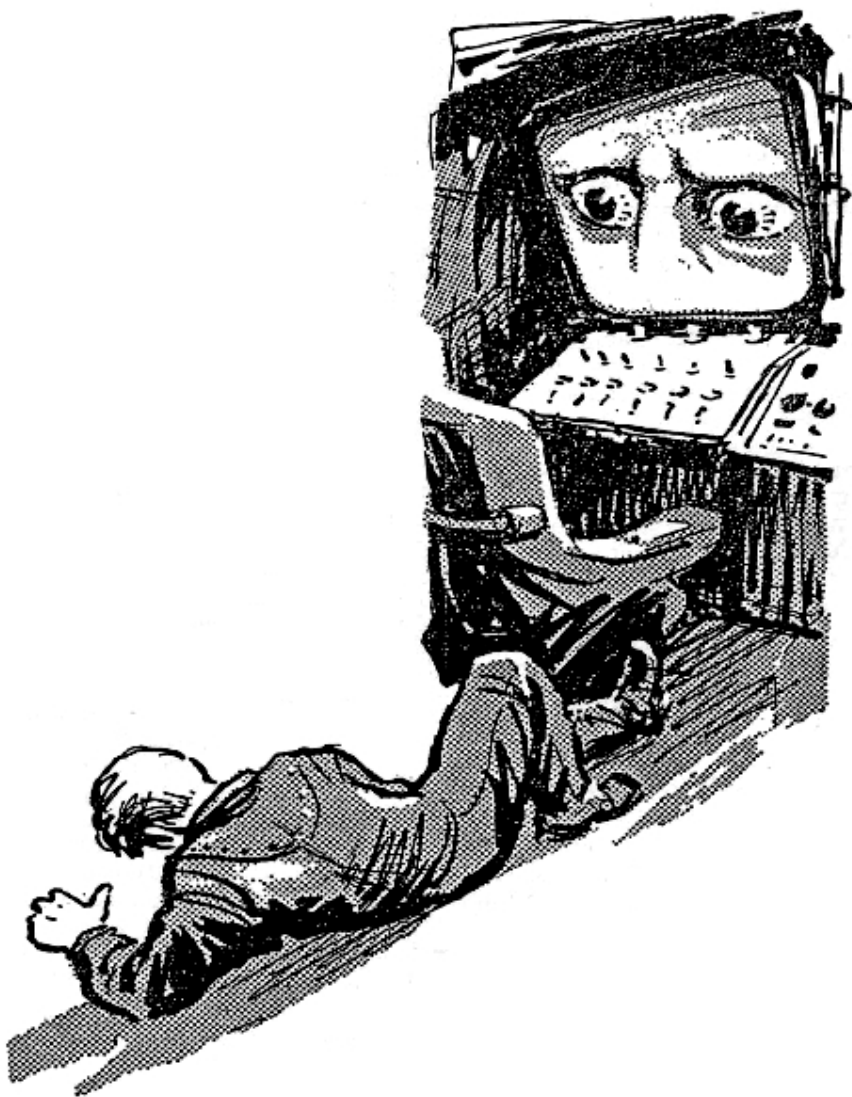
Но что случилось? Почему пятнышко так стремительно вырастает на экране, а орудия безмолвствуют? Неужели отказала автоматическая система наводки? Но ведь тогда через несколько минут метеорит столкнется со «Звездочкой» и уничтожит ее!

Икар бросился к орудийным пультам. Может, удастся навести орудия и выстрелить вручную.

Резкий свисток, как удар бича, ожег Икара. Инстинктивно он обернулся к телевизионной установке. Свисток обозначал, что она начала принимать какие-то сигналы.

Сигналы из космоса? Каким образом? Почему? Кто мог их передать?

Но раздумывать об этом было некогда. Локатор выключился. Зато на экране телеустановки задрожало мутное пятно. С каждым мгновением оно принимало все более и более четкие очертания. А через несколько минут с экрана на Икара в упор, не мигая, смотрели чьи-то огромные глаза. Только глаза, окруженные расплывчатой студенистой массой, — лицо неведомого существа еще не сфокусировалось. Цветной экран хорошо передавал их холодный, металлический блеск, расширенные в недоуменном вопросе черные, как уголья, зрачки и густую паутину красных жилок вокруг них. У этих глаз не было ни ресниц, ни бровей; широко расставленные, они, как магнит, притягивали Икара к себе. В них билась мысль, беспокойная и живая, могущая, всепобеждающая — человеческая мысль.

С экрана на Икара в упор, не мигая, смотрели чьи-то огромные глаза.

В ужасе закрыв лицо руками, Икар отшатнулся к пульту управления. Но удивительные глаза быстро обшарили кабину, нашли его и заставили обернуться. Они были хозяевами в этом крохотном пространстве, и Икар почувствовал, что у него не хватает сил им противиться. Он подошел к экрану и замер перед ним.

Несколько минут глаза внимательно изучали его, каждым сантиметром кожи он ощущал их цепкое прикосновение. Подчиняясь их безмолвному приказанию, Икар сел в кресло, потом встал, согнулся, сделал несколько движений, напоминавших гимнастические упражнения. Станный холодный взгляд гипнотизировал его. Ему казалось, что он превратился в подопытное животное, за которым кто-то наблюдает сквозь прозрачную, но непроницаемую стену из бронированного стекла.

Наконец глаза оставили его в покое. Равнодушно скользнув поверх его головы, они начали пядь за пядью осматривать кабину «Звездочки». Нигде подолгу не останавливаясь, они ощупали каждый винтик, каждую кнопку на пульте управления, осмотрели локатор и механизмы, управляющие импульсными орудиями, предназначенными для уничтожения метеоритов и комет, электронные вычислительные машины, прокладывающие курс корабля... Карты звездного неба на вращающихся дисках они рассматривали более внимательно. Икару, который, оправившись от испуга, следил за странными глазами, проникшими в звездолет из космических глубин, даже показалось, что в них появилось выражение интереса.

Глаза неизвестного существа осмотрели корабль довольно быстро и, по-видимому, остались осмотром довольны. Они снова перешли на центральный пульт управления, и Икар вдруг увидел, как заморгали на нем разноцветные лампочки, показывая, что «Звездочка» начала торможение и меняет курс. Они повелевали не только людьми, но и машинами, эти таинственные глаза, и, повинуясь их воле, машины начали производить сложные манипуляции.

Чувство ненависти к странному существу с удивительными глазами охватило Икара. Почему оно хозяйничает на

чужом звездолете? Почему меняет курс, уводя корабль по неведомому маршруту? И куда? Ведь это удлинит его путешествие, оттянет встречу с отцом!

Воспользовавшись тем, что глаза неведомого существа были прикованы к пульта управления, Икар резко бросился вперед и повернул ручку выключателя. И сразу же экран погас.

Теперь, не теряя ни секунды, надо было переключить двигатели и направить корабль по старому курсу. Икар прыгнул к пульта управления. Но страшный удар, похожий на сильный разряд электричества, швырнул его на пол.

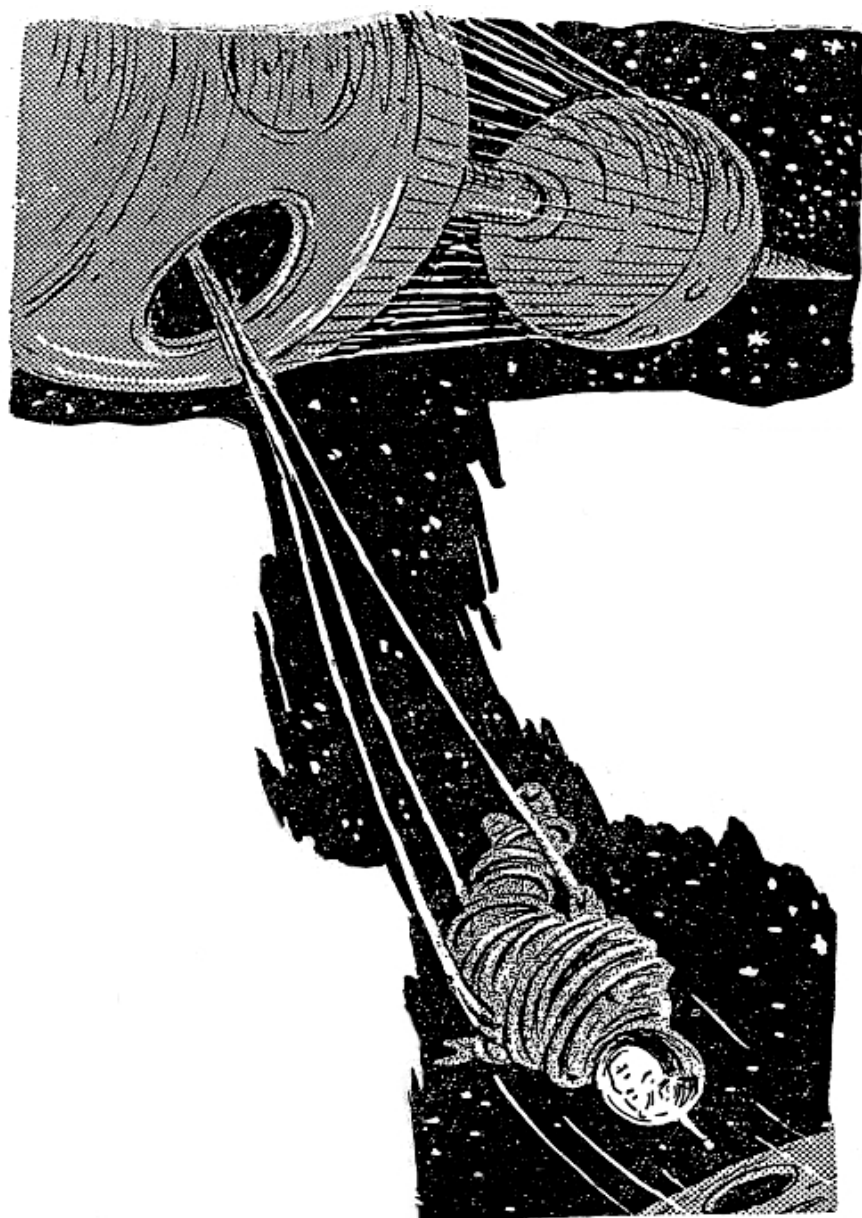
Когда резкая боль в теле утихла, он увидел, что телеустановка опять включена, и холодные черные глаза, не обращая на него никакого внимания, продолжают командовать приборами на пульте управления. Стрелка ЭИС — электронного измерителя скорости — непрерывно падала.

Дотянувшись руками до кресла, Икар тяжело вполз на него. Сопротивляться было невозможно, второй такой удар мог бы убить его. Оставалось только одно — наблюдать за приборами и ждать, чем это кончится.

И потекли томительные часы ожидания. Они нужны были для того, чтобы, постепенно сбавляя скорость, остановить ракету. Глаза, овладевшие пультом управления, видимо, хорошо знали, как это делается.

Наконец стрелка ЭИС задрожала и замерла на нуле. И опять Икар почувствовал на себе тяжелый взгляд страшных глаз. Они стали огромными, заполнили весь экран телеустановки, спокойные, пытливые глаза существа, оказавшегося в безднах космоса. Они подняли Икара с кресла и заставили его войти в шлюзовую камеру. Они проникли сквозь ее стены, приказав Икару нажать кнопку насоса, отсасывающего воздух, и включить «механические руки» — манипуляторы, отвинтившие люк. Они вели его по гулким ступенькам, и он не перестал чувствовать их силу даже тогда, когда шагнул на верхнюю палубу корабля.

И тогда мальчик громко вскрикнул. Рядом со «Звездочкой», медленно покачиваясь и сверкая в непроглядной

темноте космоса холодным голубым светом, стоял огромный звездолет невиданной конструкции.

Открыв от изумления рот, Икар смотрел на корабль с неведомой планеты. Он напоминал гигантское веретено, на которое было надето три огромных, один больше другого, шара, опутанных сложной сетью проводов;

Больше Икар ничего рассмотреть не успел. В центре среднего шара, против которого стояла «Звездочка», зазияло черное отверстие люка, из него, как тугие пружины, вылетело три гибких, толщиной в человеческую руку троса, которые туго запеленали его по рукам и ногам. Потом последовал сильный рывок, и, потеряв под ногами борт своего корабля, Икар полетел в бездну, усеянную мириадами звезд далеких Галактик.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Встреча. ♦ Друзья или враги? ♦ Совет экспедиции. ♦ В поисках решения. ♦ Генератор биотоков. ♦ Человек в беде. ♦ Астроном Сергеев прав.

— Справа по курсу — космический корабль неизвестного происхождения. Предполагаемая скорость — около 280 тысяч километров в секунду. Направление — спиральная туманность OT-13-121. Находится на расстоянии 128 миллионов километров.

Эти слова произнес главный штурман гравитационного звездолета «Ар» Нор Инд. Подхваченные мощными микрофонами, они мгновенно разнеслись по всем жилым помещениям, лабораториям и отсекам корабля. На телевидеофонах вспыхнули очертания главного локатора звездолета — почти в центре его можно было без труда различить сверкающую точку, стремительно катившуюся к правому нижнему углу. Показания сложных приборов, наблюдающих за изменением орбиты движения «точки», дали ей исчерпывающую характеристику. Это был не астероид, не метеорит, не блуждающая комета, а корабль, созданный руками и мозгом разумного существа.

На панелях телефидеофонов вспыхнули красные лампочки — сигнал, требующий всеобщего внимания, а затем на матовых экранах выросла массивная фигура начальника экспедиции Эда Алюа. Всегда сосредоточенный и спокойный, на этот раз он не скрывал своего волнения. Коротко приказав группе управления звездолетом вести наблюдение за неизвестным кораблем, он сказал:

— Пусть все остаются на своих местах. Через несколько часов мы догоним неизвестный корабль и, наверно, встретимся с обитателями другой планеты, если только его не ведут автоматы. Будем надеяться на встречу с живыми существами, а не с неодушевленным металлом. Кто бы они

ни были, эти существа, если они смогли проникнуть в такие глубины космоса, значит — это наши братья по поискам и стремлениям, это — люди.

— Может, подготовить средства обороны? — слышался в телефидеофонах осторожный голос Нора Инда. — Этот маленький корабль может атаковать нас, Алюа. Мы ведь не знаем замыслов тех, кто ведет его, не знаем их планов.

Командир звездолета отрицательно покачал головой.

— Нет, средства обороны готовить не надо, — уверенно ответил он. — Люди, которые разорвали цепи притяжения своей планеты, которые преодолели спиральную туманность НТ-13-121, не могут быть кровожадными. Они должны быть миролюбивы и гуманны.

Алюа замолчал, и изображение его исчезло с экранов. Напряженное возбуждение охватило экипаж огромного звездолета. Люди так мечтали об этой встрече, так ждали ее! И теперь их разделяют только считанные часы, всего десятки миллионов километров. При скорости «Ара» это было ничтожно малое расстояние, при преодолении которого надо было больше времени затратить на торможение, чем на погоню.

В Зале Мудрости, огромном круглом салоне, где стены и купол, казалось, сплошь состояли из карт звездного неба, на которых мерцали бесконечные хороводы разноцветных огоньков, Алюа собрал Совет экспедиции, чтобы обсудить, как вступить в контакт с кораблем неизвестной планеты.

— Может быть, используем локатор? — сказал Нор. — Локатор или какой-нибудь иной прибор, позволяющий на расстоянии видеть космические тела, на звездолете неизбежен. Когда мы приблизимся к космонавтам, они увидят нас и затормозят свой корабль.

Алюа в раздумье забарабанил пальцами по тускло поблескивавшей полировке стола.

— Идея хороша, но только при иных обстоятельствах, — взвешивая каждое слово, сказал он. — Судя по всему, корабль приближается к спиральной туманности и, видимо, войдет в нее. Последовать за ним мы не можем — в этой зоне уже погибло несколько наших звездолетов. У чу-

жого корабля корпус, наверно, сделан из очень прочных сплавов, или он нашел проход в скоплении осколочной материи. Даже если случилось второе, мы должны исследовать проход при помощи автоматических ракет, управляемых по радио, а только потом вступить в него. За это время чужой звездолет уйдет так далеко, что мы, пожалуй, никогда больше не разыщем его в просторах Вселенной.

Члены Совета одобрительным гулом поддерживали эти слова. Действительно, налаживание локационной связи требовало очень много времени. Надо было придумать что-нибудь другое.

Слова попросила Ия, главный врач экспедиции, молодая двадцатитрехлетняя девушка — крупный специалист в области биотоков. Нервно теребя легкий шарфик, который лежал на ее плечах, она сказала:

— Надо применить биотоки и остановить корабль. У нас есть огромный опыт управления приборами на расстоянии. Значит, задача заключается только в том, чтобы понять принципы управления кораблем. Мне кажется, как бы они ни были сложны, Алюа в них сможет разобраться.

Алюа улыбнулся. Ему нравилась горячая запальчивость молодого врача. Идея, которую она предложила, была самой простой и наиболее легко осуществимой.

— А уверена ли ты, что существам, летящим в корабле, понравится, что кто-то неведомый будет менять их курс, включать аппараты торможения? Объясниться до встречи с ними мы наверняка не сможем — трудно даже предположить, что они знают наш язык. Автоматические переводчики, работающие на биотоках, использовать на расстоянии мы не сможем. А если так, значит, может случиться, что нам придется при помощи биотоков не только управлять чужими механизмами, но и удерживать на месте членов экипажа, что уже похоже на насилие. Имеем ли мы право так поступить?

— Но ведь мы сделаем это с самыми добрыми намерениями, — живо возразила Ия. — Мне кажется, иного выхода нет. И времени для раздумий нет. Корабль удаляется. Неужели мы откажемся от встречи, о которой мечтали дол-

гие тысячелетия? — с неподдельным огорчением воскликнула она.

Члены Совета обернулись к экрану контрольного локатора. Точка на нем уже превратилась в большое пятно, которое с каждой минутой принимало все более четкие очертания. Раздумывать и впрямь было некогда. И созвездие зеленых огней, вспыхнувших на наклонном пульте, смонтированном на возвышении, показало командиру корабля, что члены Совета принимают предложение Ии.

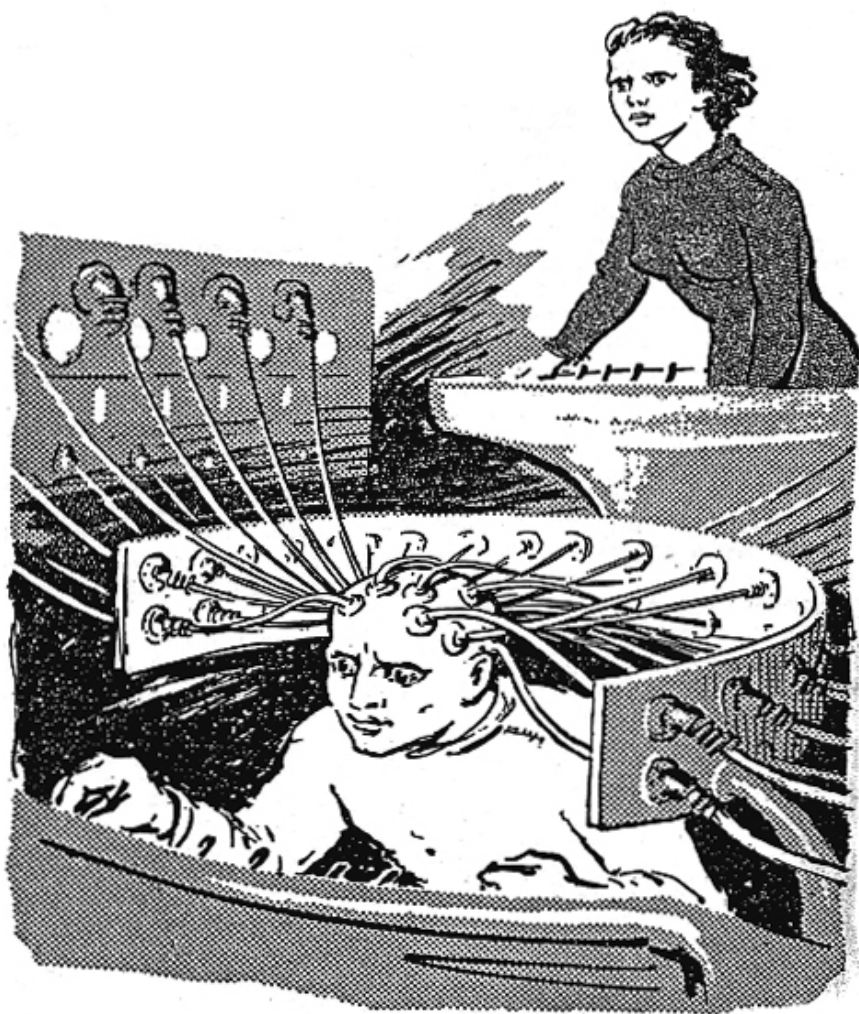
«Ар» стремительно догонял неизвестный звездолет. Корабли сближались под углом в 127° . Вскоре на экране локатора уже можно было рассмотреть стреловидный корпус чужого звездолета.

— Только бы это были люди, Алюа, — задумчиво сказала Ия, с волнением глядя на командира. — Люди, а не какие-то чудовища. Ведь не могли же даже такой корабль построить какие-нибудь гигантские медузы, осьминоги и другие герои наших фантастических книг об обитателях других планет? Правда?

— Правда, Ия, правда, — уверенно ответил Алюа. — Скоро мы увидимся с членами экипажа и убедимся в этом. Хотя я никогда не сомневался, что это будут люди. Условия жизни на их планете, ее объем, атмосфера, климат могут наложить на них свой отпечаток, но это будут люди, потому что жизнь во Вселенной развивается по одним и тем же основным законам и изменить их никто не может.

Потекли томительные часы ожидания. Наконец Нор сообщил, что расстояние между кораблями приближается к зоне действия биотоков. Высокочувствительные приборы обнаружили на корпусе корабля приемно-передаточные антенны. Этого было достаточно для того, чтобы взгляд Алюа, излучавший биоэнергию, усиленную в миллиарды раз сложными генераторами, мог проникнуть в космический корабль и стать в нем полновластным хозяином.

Наступили решающие минуты. Все члены экипажа «Ара» застыли у телевизионных установок. Вместе с Алюа они должны были увидеть тех, кто уверенно вел свой корабль по только им известному курсу.

Алюа сел в удобное кресло, откинулся и начал неторопливо
приставлять трубки к бугристому голому черепу.

Алюа подошел к громоздкому прибору, от которого, словно змеи, отходили десятки гибких трубок, оканчивавшихся металлическими наконечниками. Он сел в удобное кресло, откинулся в нем и начал неторопливо приставлять трубки одну за другой к бугристому голому черепу. Они мгновенно присасывались к сероватой коже, зажигая на продолговатом вогнутом экране красные, зеленые, синие, желтые огоньки. Ия внимательно следила за ними и время от времени обменивалась с Алюа короткими замечаниями.

Наконец голова командира оказалась тесно оплетенной гибкими трубками — казалось, что это не человек, а огромный паук притаился в густом и сложном переплетении паутины. Ия повернула рычажок, и в глуби установки мягким серебристым светом затеплился круглый, словно иллюминатор, экран, оправленный узкой бирюзовой панелью.

Протяжно загудели генераторы. На лице Алюа резче выступили скулы, глаза его расширились, словно вглядываясь во что-то неведомое, что должно вот-вот возникнуть перед ним.

Прошло несколько томительных мгновений, и экипаж «Ара» увидел на серебристом экране тесную кабину звездолета и маленького светлокожего человека, на щеках у которого застыли дорожки от высохших слез.

Алюа мгновенно догадался, что только какая-то страшная катастрофа могла забросить человека в эту кабину. Кто из людей рискнул бы в одиночестве отправиться в это путешествие, которое длится годами, а порой и десятилетиями? Кто отправился бы на штурм космоса в такой неудобной щели, явно не предназначенной для людей?

Он тут же принял решение остановить корабль, взять на борт его пассажира и при помощи автоматических переводчиков, работавших на биоизлучениях, узнать, откуда он летит и что с ним случилось, а если понадобится, оказать ему помощь. Ия бросилась готовить приборы, чтобы после того, как человека примут на борт «Ара», исследовать, какой атмосферой он дышит, и уничтожить бактерии, которые, если они на нем были, могли причинить их экипажу много серьезных неприятностей.

Выключив противометеоритные орудия, которые готовились расстрелять «Ар» как обычное космическое тело, появившееся на пути «Звездочки», Алёша начал внимательно изучать устройство чужого звездолета.

Икар в это время не знал, что он стал первым человеком на Земле, увидевшим, как оправдалось гениальное предвидение Виктора Петровича Сергеева. Мальчик не знал, что неведомый космический корабль был отправлен с Сирасколии, что он встретился с людьми, к которым держал путь «Малахит».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сон или действительность? Люди неведомой планеты Удушье. Браслеты. На одном языке. Звезды неба Родины.
Проход в квадрате Альфа-217. Провал.

Неужели это был только сон, один из тех страшных снов, которые потом долго-долго преследуют человека?

...Большой круглый зал со сферическим потолком. Где-то там спрятаны сильные источники освещения. Они расположены так, что предметы в зале совершенно не отбрасывают тени. Собственно, никаких предметов здесь нет, если не считать бесчисленных рычажков, кнопок и сверкающих разноцветных окошечек, которые, словно пчелиные ячейки, заткали стены.

Посреди зала стоит большой стол, снежно-белый куб, каждое ребро которого равно примерно двум метрам. Икар лежит на этом столе в скафандре, прикрытый каким-то колпаком, таким прозрачным, что его невозможно рассмотреть. Но мальчик знает, что колпак есть: он упирается в него ногами и кончиками пальцев.

Икар вспоминает, что под такие колпаки на земных звездолетах помещались различные мелкие зверюшки и растения, которые космонавты привозили с других планет для Музея Вселенной. Значит, он сам оказался сейчас таким экспонатом? Но у кого? И зачем?

Он поворачивает голову и видит устремленные на него глаза. Много глаз, похожих на те, которые он впервые увидел на экране телеустановки. Но теперь Икар уже не чувствует страха — можно рассмотреть обитателей и хозяев этого удивительного корабля.

Это — люди. Только короткие, могучие туловища и непомерно большие головы с удлинненными, глубоко посаженными глазами, излучающими таинственную энергию, отличают их от землян. Шестеро, они склонились над колпа-

ком, закрывающим Икара, о чем-то оживленно разговаривая, резко жестикулируя. Вот один из них сделал какой-то знак, и с потолка свесилась целая гирлянда длинных трубок. В одно мгновение они присосались к колпаку так плотно, что Икар от страха забился под ним, как подстреленная птица. Но тот же леденящий взгляд уложил его на место...

На экране, который внезапно вспыхнул на стене, заплясали какие-то разноцветные ломаные линии, кружочки, пунктирные полосы. Хозяева корабля внимательно смотрели на них и одобрительно кивали головами.

Запас кислорода в резервуаре скафандра оканчивался. Икар начал задыхаться. Лоб его покрылся крупными каплями пота. Мальчик чувствовал, как они медленно сбегают по вискам.

Очевидно, это как-то отразилось на экране, который рассматривали люди с неизвестной планеты, потому что один из них сухо щелкнул пальцами — и трубки исчезли где-то под потолком, унося с собой колпак.

Икар терял сознание. Грудь разрывало от недостатка воздуха. Он не чувствовал, как эти люди снимали с него скафандр, и пришел в себя только тогда, когда сильная струя свежего кислорода, напоенного ароматом сосновых боров, ударила ему в лицо.

Зажмурившись, онпил этот воздух, дышал им и не мог насытиться. У мальчика закружилась голова. Сферический потолок превратился в бешено вращающееся туманное кольцо...

Может быть, все это — и странные люди, и колпак, и змеевидные присоски, которые, казалось, впивались в его тело, были только сном? Нет, потому что когда головокружение прошло и Икар открыл глаза, он увидел все тех же людей, склонившихся над ним.

Неловко опершись на локоть, Икар поднялся. Люди раступились. Он спрыгнул на поддавшийся под ногами упругий, словно пористая резина, пол. И тут же услышал чей-то удивительно добрый, звучный голос. Говорил все тот же

человек, видимо, старший на корабле, который распоряжался здесь всем..

Они склонились над колпаком, закрывающим Икара, о чем-то оживленно разговаривая, резко жестикулируя.

Икар выслушал длинный ручеек резких согласных звуков и отрицательно покачал головой — он ничего не понял. Тогда старший сделал какой-то знак, и ему передали узкую металлическую пластинку, оканчивавшуюся браслетами. Он подошел к Икару, сжал его руки, и через мгновение на них с сухим треском защелкнулись кольца. Браслеты с пластинкой были похожи на кандалы, которые Икар видел в какой-то старинной книге. Там их надевали на руки заключенным.

Икар с силой рванул руки, но браслеты впились ему в кожу. И в то же мгновение он услышал уже знакомый насмешливый голос:

— Спокойнее, друг мой, спокойнее. Во-первых, ты эти браслеты не разорвешь: силы не хватит, а во-вторых, это делать не стоит. Без браслетов мы очень не скоро сможем понять друг друга.

Икар онемел от изумления. Человек с неизвестной планеты говорил на понятном ему языке.

— Кто вы такие? — закричал Икар, бросившись к старшему. — Вы знаете наш язык? Как вас зовут?

Люди в зале рассмеялись. Улыбнулся и старший. Теперь его глаза не были такими страшными, они как бы подернулись дымкой, которая преградила путь неведомой энергии, излучавшейся из них.

— Не все сразу, друг мой, не все сразу. Сначала расскажи нам о себе, о том, как ты сюда попал, а потом мы ответим на твои вопросы, — сказал старший.

Путаясь и сбиваясь от волнения, Икар начал рассказывать о Земле, с которой они отправились на штурм космоса. В то же мгновение купол потолка опустился низко-низко, и на нем зажглась огромная карта звездного неба. По карте проплывали звезды и созвездия, но Икар не узнавал их. До боли напрягая глаза, он пытался найти Полярную звезду или Большую Медведицу, но миры, которые проплывали перед ним, были не похожи на те, которые он привык видеть на отцовских картах.

Люди вопросительно смотрели то на мальчика, то на купол. Но Икар отрицательно качал головой. И хоровод звезд на подвижной карте все плыл и плыл, непрерывно обновляясь, и казалось, ему никогда не будет конца.

Но, наконец, Икар радостно поднял руку. На карте сверкало наше Солнце. Медленно бежало оно по своей орбите, а вокруг него двигались Сатурн, Уран, Юпитер, Нептун, Венера, Земля...

— Земля! — воскликнул Икар. — Вот наша Земля!

Теперь рассказывать стало легче. Все шесть человек жадно ловили каждое слово мальчика. По мере того, как он рас-

сказывал об экспедиции «Малахита», карта меняла свои очертания, повторяя их маршрут четкой огненной стрелой.

— Мы уже прошли «зону неприступности», когда произошла авария, — говорил Икар.

Он видел, что людей в корабле при упоминании о «зоне неприступности» охватило какое-то непонятное волнение. Несколько минут они молча рассматривали квадрат Альфа-217 на застывшей карте, а потом заговорили вместе. И в хаосе звуков Икар уловил ликующее:

— Проход есть!

Больше он ничего не слышал. Усталость взяла свое. Он тяжело опустился на пол и через мгновение уже беспокойно спал, выкрикивая какие-то бессвязные обрывки фраз. Сильные руки старшего бережно подняли его с пола, и маленькая процессия медленно вышла из зала. Бесшумно поднялся вверх купол, карта звездного неба исчезла с него, и ровный синевато-зеленый свет опять залил опустевший просторный зал.

На сложнейших приборах, соединенных сотнями метров переплетенных проводов, вспыхивали разноцветные огоньки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Знакомство. В Зале Мудрости. Сирасколийцы приветствуют посланца Земли. Планета оранжевого и синего солнца.
Осмотр корабля.

Икар открыл глаза и несколько минут лежал неподвижно в солнечной комнате, немногим большей, чем его кабина в «Звездочке». Ложе его напоминало гамак, он был подвешен почти в центре комнаты невысоко над полом. Вернее, подвешен он не был — сколько Икар ни вглядывался, он не увидел никаких веревок или тросов, которые поддерживали бы застывший в воздухе гамак.

Но Икар уже не мог удивляться. Глаза, управляющие машинами, фантастический корабль в космосе, люди, умеющие говорить на земном языке, змеевидные трубы и колпак — этого многовато для двенадцатилетнего мальчишки, даже если ему уже и приходилось бывать на других планетах и летать в фотонных звездолетах. Поэтому он легко спрыгнул с гамака на упругий пол и сделал несколько резких движений, чтобы размяться. И тут же с тихим шорохом в сторону отошла часть стены, и в проеме показался старший.

Икар подбежал к нему и с готовностью протянул руки. Тысячи вопросов мучили его, ему не терпелось получить на них ответ. Снова сухо щелкнули браслеты, и Икар услышал знакомое и ласковое:

— Здравствуй, малыш! Ну, как тебе спалось?

— Спасибо, — весело ответил Икар. — Вы...

— Да, да, сегодня мы тебе все расскажем. Да и ты нам еще ответишь на некоторые вопросы. Но прежде всего нам надо познакомиться. Меня зовут Алюа.

— А меня — Икар, — ответил мальчик. — Товарищ Алюа, спасите моего отца! Может, он еще жив. Ведь у вас такой чудесный корабль!

Глазами, полными мольбы и надежды, он посмотрел на Алюа.

Командир улыбнулся.

— Мы уже летим по курсу, который приведет нас к твоему отцу. Будем надеяться, что ваш «Малахит» еще цел. И тогда ты скоро сможешь обнять своего отца.

И Алюа погладил по голове Икара, припавшего к его широкой груди.

— А теперь пойдем, нас ждет Совет Экспедиции. Люди хотят видеть тебя и беседовать с тобой.

Вслед за Алюа Икар вышел на узкую площадку перед его комнатой, огороженную невысоким барьером. Пол под их ногами провалился. Легкий холодок в груди подсказал Икару, что они несутся куда-то вниз.

Через мгновение этот странный лифт остановился. Как и в комнате Икара, часть стены ушла куда-то в сторону, и вслед за Алюа он вошел в тот самый зал, в котором уже был, когда попал на корабль.

В центре зала на возвышении в глубоких креслах сидели люди. Их было много, около двадцати человек. Они внимательно и дружелюбно смотрели на Икара.

Алюа усадил мальчика в такое же кресло, стоящее перед возвышением, и ласково похлопал его по плечу: «Не робей, малыш!» Потом он сел рядом с ним, окинул всех внимательным взглядом и сказал:

— Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы приветствовать первого посланца далекой планеты Земли и в его лице всех обитателей этой планеты.

И Совет Экспедиции торжественно встал перед Икаром, и, растерявшись, он тоже встал, низко склонив голову.

— Наш дорогой гость еще очень молод, — продолжал Алюа, когда все заняли свои места, — и только чрезвычайные обстоятельства заставили его оставить отца, на помощь которому мы теперь спешим. В его рассказе мы не нашли и не найдем многих сведений, которые нам хотелось бы получить о планете Земля и других планетах системы земного Солнца. Но он нам принес весть, которая стоит этих сведений: его отец Андрей Дмитриевич Ожегов

нашел проход в «зоне неприступности», как они называют спиральную туманность НГ-13-121, проход, который безуспешно искали наши корабли вот уже несколько сот лет. Мы были близки к цели, но первооткрывателями стали земляне. Честь им и слава!

И снова Совет Экспедиции встал, чтобы почтить память тех, кто жизнью своей заплатил за штурм «зоны неприступности».

— Нашего юного друга терзает любопытство. — Алюа ласково улыбнулся. — Любого из нас, окажись он на его месте, любопытство одолевало бы не меньше, хотя мы видели и знаем гораздо больше его. Давайте же расскажем ему о нашей Родине, о Стране Человеческого Счастья, или Сирасколии, как ее называют на Земле.

Светло-зеленый свет в зале медленно погас, и на куполе его зажглось созвездие Омеги. Звезды созвездия по спирали уходили к центру купола и исчезали там, уступая место двойной 14-й звезде, которая вскоре заняла всю карту. Икар вскрикнул от изумления: он увидел два солнца — оранжевое и синее, стоящие рядом в черном, как бархат, небе, и четыре планеты-спутника, вращающиеся вокруг них.

— Оранжевую звезду мы называем Хатра — звезда жизни, — негромко, задумчиво рассказывал Алюа. — Эта звезда — копия вашего Солнца. Синяя — Энтра — звезда созидания — примерно в восемь раз больше Солнца, но менее тяжелая, чем оно. Эти две звезды вращаются в пространстве вокруг общего центра тяжести. Они — источники жизни на нашей планете.

Затаив дыхание, смотрел Икар на звезды, которые казались огромными плоскими дисками, вписанными в непролицаемую черноту космической ночи. Очевидно, они были сняты на пленку, но сняты так, что свет их даже сейчас был необычайно ярок. Только специальные светофильтры, укрепленные под куполом, позволяли смотреть на Хатру и Энтру, медленно плывущие под куполом зала.

Обе звезды были окружены сверкающими коронами, из их недр вырывались огромные, завихряющиеся спиралями, языки пламени — протуберанцы. Казалось, синие и

оранжевые змеи, выброшенные страшной силой ядерного распада внутри звезд, вот-вот сплетутся и превратят светила в хаос всепожирающего пламени, который уничтожит все вокруг. Но проходило томительно медленно какое-то время, и неистовый разгул синего и оранжевого огня опал, чтобы вскоре вспыхнуть снова.

Затаив дыхание, смотрел Икар на звезды, которые казались огромными плоскими дисками, вписанными в непроницаемую черноту космической ночи.

Затем откуда-то из-за края купола, оттесняя неистовые звезды, выплыл огромный шар. Окутанный плотной броней атмосферы, пронизанной оранжево-синим светом, он поплыл по небосводу, приближаясь и заполняя собой весь купол.

Сотни раз рассказывал Андрей Дмитриевич Икару об открытии и вычислениях Виктора Петровича Сергеева, и сейчас, слушая Алёу, мальчик поражался силе человеческого гения, сумевшего через головокружительное расстояние в сто с лишним световых лет дать такую точную характеристику планете. Масса, сила тяжести, атмосферное давление, температура, период обращения — все, о чем говорил

Алюа, на Земле было известно сотни лет назад, благодаря работам замечательного астронома.

Свет оранжевого и синего солнц перепутал все представления Икара о цвете. Перед его глазами проплывали светло-зеленые реки, и моря у берегов дымились изумрудно-зелеными волнами. Розовато-синие леса сменяли желтые и голубые разливы степей и черно-сиреневые цепи гор; легкие облака в небе отливали всеми цветами радуги. Икар видел огромные города, дома в которых были похожи гигантские белоснежные куполы, плавно, без резких изгибов, переходившие друг в друга, бесконечные ленты эскалаторов, опоясавших всю планету, толпы веселых, оживленных людей в одеждах из скрепленных у пояса кусков многоцветной легкой ткани.

Удивительная «машина времени» перенесла Икара в глубокую историю планеты. И то, что он видел, во многом напоминало ему историю Земли: первые пути науки и техники, разрушительные войны, власть одной, меньшей, группы людей над большей, которая трудилась на них...

Икар видит, как меняется облик планеты с началом новой эры — эры одной семьи. Люди перекраивают свою планету. Могучие машины помогают им проводить каналы в пустынях, уничтожать хищных зверей и вредных насекомых, строить прекрасные города. Двумя широкими лентами опоясывают эти города приэкваториальные области — здесь наилучшие условия для жизни. Средние широты занимают гигантские пастбища для скота, густые леса, необозримые поля. Сирасколийцам не приходится заботиться о пище — почти все виды продуктов вырабатываются на огромных заводах-лабораториях химическим путем.

Все прекраснее и совершеннее становятся на Сирасколии люди. Менее чем за два века она превращается в страну инженеров и ученых. Наступает эпоха космических полетов, антигравитации, биотоков. Звездные корабли сирасколийцев улетают к другим планетам.

Словно от резкого толчка, Икар открывает глаза. Зеленовато-оранжевый свет медленно зажигается под погасшим куполом.

— На сегодня хватит, — ласково говорит Алюа. — Ты еще многое узнаешь о нашей стране. Сейчас ты пойдешь с Ией. Она покажет тебе наш корабль и ответит на твои вопросы. А мы здесь начнем разбирать и изучать документы, которые взяли с вашего корабля.

Ия встала и, взяв Икара за руку, вышла с ним из Зала Мудрости.

Ия встала и, взяв Икара за руку, вышла с ним из Зала Мудрости. Члены Совета Экспедиции разобрали документы и материалы, предназначенные Ожевым для отправки на Землю, и склонились над ними.

Ия и Икар остановились на лифтовой площадке. Ия нажала кнопку на панели ограды, и они полетели вниз, к корме корабля.

Показ корабля девушка начала с нижнего кольцевого отсека, в котором были установлены гравитационные двигатели. Ия рассказала Икару, что они приводят в движение «Ар» и сообщают ему любую скорость, вплоть до скорости света за счет превращения энергии притяжения космических тел. Она водила его по лабораториям, в которых у сложнейших приборов трудились люди, доброжелательно рассматривавшие Икара, показывала салоны с бесчисленными рядами фильмокниг и диковинными музыкальными инструментами, где члены экипажа отдыхали; коллекции растений и минералов; картины, карты, схемы, которые они взяли с собой.

Икар потерял представление о времени. Прошло много часов, а ему казалось, что осмотр только начался. Но Ия заметила, что мальчик устал, новизна и обилие впечатлений утомили его. Тогда она отвела его в каюту. Пообедав, Икар уснул крепким сном.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

По следам «Малахита». Ия выступает на Совете. «Ар» ложится на новый курс. Трит — планета красного солнца. Посадка.

Определив предполагаемую скорость «Малахита» с учетом влияния на нее космических тел района, по которым ракета должна была идти, Алёа вел «Ар» по сложной трассе, разыскивая останки корабля. Вместе со звездолетом по параллельным курсам поиски вели четыре автоматических ракеты, запущенные с борта «Ара» и оборудованные высокочувствительными приборами. Радиолокаторы, пеленгаторы, инфракрасные уловители невидимыми щупальцами ощупывали космический фронт поперечником в несколько десятков миллионов километров.

С тех пор как «Ар» вышел на трассу «Малахита», Икар ни на минуту не покидал зала главного локатора. Алёа, хорошо понимавший состояние мальчика, разрешил ему даже обедать, наблюдая за экраном. Прогулки Икара по кораблю прекратились.

Дважды, то уменьшая, то увеличивая скорость, «Ар» прошел зону предполагаемого нахождения «Малахита», но корабля нигде не было.

На Совете, доложив о ходе поисков, Алёа сказал:

— Метеороотметчики показали, что в период нахождения «Малахита» в этой зоне он не мог столкнуться с космическим телом. Траектории метеоров и осколков, которые могли бы уничтожить корабль, пролегают в иных плоскостях и не совпадают с траекторией его движения. Значит, остается предположить только одно: «Малахит» попал в зону притяжения планеты Трит — красной звезды, и его следы, если они остались, надо искать там. Продолжение поисков «Малахита» значительно отклонит «Ар» от цели,

немного удлинит наш маршрут, поэтому я не мог решить этот вопрос, не выслушав мнения членов Совета.

Окончив речь, Алюа сел в кресло и внимательно посмотрел на своих соратников. У Икара тревожно сжалось сердце — от решения этих людей сейчас зависела судьба его отца. Мальчик упорно верил в то, что он жив.

С тех пор как «Ар» вышел на трассу «Малахита», Икар ни на минуту не покидал главного локатора.

Раздумье членов Совета длилось недолго, его прервала Ия. Смуглое лицо ее посерело от волнения, решительно и открыто смотрела она на членов Совета.

— Долгие тысячелетия мечтали мы, люди Родины Счастья, о том, что где-то в неизмеримых глубинах Вселенной есть миры, на которых живут такие же разумные существа, как и мы, — сказала она. — Мы мечтали о встрече с ними, о тех временах, когда люди, отделенные друг от друга чудовищными расстояниями, объединятся в одну семью, смогут передавать друг другу опыт и знания, накопленные ими за века суровой борьбы с природой.

Мы пошли навстречу им и встретились с ними и узнали, что где-то там, далеко, на планете Земля люди тоже мечтали о том же, о чем мечтали мы.

Неужели же мы дадим погибнуть одному из них, потерпевшему катастрофу в безднах космоса? Неужели мы не сделаем все, чтобы спасти его, если он еще жив, и помочь

ему вернуться на свою родную планету? Мы должны полететь на планету Трит и обыскать каждый ее уголок, если Трит — действительно единственное место, где может оказаться «Малахит». Члены Совета Экспедиции! Говоря о тысячах миллионов километров пути, об изменении маршрута и о других очень важных делах, помните, что вы говорите о Человеке!

Ия отбросила со лба тугую прядь волос и села. Икар посмотрел на нее с такой признательностью и любовью, что девушка не выдержала — на глазах у нее навернулись слезы.

Члены Совета Экспедиции, выступившие вслед за Ией, единодушно решили продолжить поиски Андрея Дмитриевича Ожегова на планете Трит.

Нор Инд положил «Ар» на новый курс. Ракеты-спутники были отозваны на корабль, стремительно снижавший скорость. Через сто пятьдесят восемь часов «Ар» вошел в атмосферу планеты Трит и начал облет ее, гася скорость и готовясь к посадке.

Могучие оптические и локационные приборы нацелились на планету.

Припав к оптическому аппарату, Икар смотрел на чужой мир, где надеялся встретить отца. Отсюда, с высоты в восемьсот километров, благодаря необычайной мощности телескопического устройства, он видел, как далеко внизу, озаренные фантастическим красным светом, проплывали черные хребты, гигантские вулканы с чудовищными жерлами, достигавшими сотен километров в поперечнике и извергавшими из своих глубин потоки расплавленной лавы, над которой стоял зловещий туман; видел черно-бурые пески пустынь и грязные пятна лесов, моря, похожие на гигантские чаши, окаймленные непроходимыми стенами мрачных утесов, и в сердце его горела решимость преодолеть любые трудности и найти отца.

Выпустив длинные серебристые крылья, «Ар» перешел на планирование. На пульте управления кораблем беспрерывно вспыхивали разноцветные лампочки: наблюдатель-

ные посты докладывали, что обнаружить «Малахит» с воздуха пока не удастся.

Выбрав ровную площадку, окаймленную лесом, Алюа повел корабль на посадку. Звездолет выпустил гигантские пружинистые упоры и через несколько минут стал, взметнув к небу клубы пыли.

Анализы и расчеты, произведенные при входе в атмосферу планеты и завершенные в момент посадки корабля, показали, что кислорода, имеющегося в воздухе, для дыхания недостаточно, высаживаться надо в скафандрах.

Мощные прожекторы пядь за пядью ошупали пространство вокруг «Ара». Манипуляторы вынесли из корабля установки, излучающие смертоносные лучи, и оградили огромный участок от нападения возможных врагов. Полусферы больших шаров «Ара» раздвинулись, и первая группа космонавтов ступила на почву планеты Трит.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Подарок. Карты Трита. Поиски. Находка Ии. Догадка.
«Малахит» найден! Куда исчез Ожегов?

Перед выходом из корабля Ия вручила Икару подарок — крохотный антигравитационный двигатель, который позволял мальчику свободно парить в воздухе, поднимаясь и опускаясь, где ему заблагорассудится. Такими двигателями были снабжены скафандры всех членов экипажа.

Чтобы иметь свободными руки, Икар воспользовался другим типом биокибернетического переводчика — обручем, плотно, но легко охватывавшим голову. Автоматический переводчик позволял мальчику поддерживать непрерывную двухстороннюю связь со всеми членами экипажа, где бы они ни находились.

Алюа приказал всем собраться. Картографы корабля, используя теле- и аэросъемки, уже приготовили карты планеты Трит. Вся планета была разбита на тридцать шесть квадратов. В экспедиции по розыскам «Малахита» вместе с Икаром участвовало семьдесят два человека. Остальные остались на корабле, чтобы подготовить научную аппаратуру и начать изучение планеты.

Вручив начальникам розыскных партий оттиски карт и договорившись о сигнализации, Алюа дал команду приступить к поискам. Люди, одетые в скафандры и похожие на каких-то удивительных чудовищ, словно невесомые, поднялись на высоту до трех метров и быстро разлетелись в разные стороны.

Все на корабле видели, как крепко привязался Икар к Ие, и поэтому Алюа поручил девушке опекать его во время поисков. Он дал им самый легкий первый квадрат, включавший район посадки «Ара» и занимавший площадь всего в 82 тысячи квадратных километров.

Быстро освоившись с управлением двигателя, Икар вслед за Ией полетел на восток, туда, где высились гигантские красно-коричневые деревья непроходимого леса. Оптические устройства, прикрывавшие глазные щели защитного стекла шлемов, позволяли им рассмотреть с высоты трех метров на поверхности Трита насекомых, равных по размерам муравьям.

До леса оказалось неожиданно далеко. Красный свет, разлитый в воздухе, затруднял ориентировку, путал представление о пространстве. Они пролетели над огромным лугом, покрытым какими-то травянистыми растениями чудовищной высоты, перевалили через гряду желтоватых холмов и только потом приблизились к лесу. Ия предложила вначале облететь его по периметру, а потом уже начать исследования. Икар молча последовал за ней.

Это был удивительный лес без мелколесья. Казалось, огромные деревья выросли все сразу и после этого там, внизу, уже не росло ничего, кроме коричневого мха. Они так густо сплелись узловатыми безлистными руками-ветвями, что почти не пропускали под свои своды даже света мощных прожекторов, укрепленных на шлемах скафандров Ии и Икара. Ни голоса птиц, ни рев зверя — ничто не оглашало этот угрюмый лес, подпиравший вершинами раскаленные, пылающие небеса.

Посоветовавшись, Икар и Ия решили разделиться, чтобы быстрее осмотреть свой район. Ия полетела налево, Икар — направо.

Девушка пролетела уже несколько десятков километров, внимательно оглядывая все вокруг, когда ее внимание привлекла группа деревьев, клином выступавших из леса вперед. На многометровые исполины был наброшен какой-то алый купол, который плотно обволакивал деревья.

Снизившись, Ия начала кружить над куполом. На одном из самых высоких деревьев странное покрывало лежало тяжелыми складками. Ия протянула руку, и в ее пальцах заструилась легкая ткань.

Удивительная находка заинтересовала Ию. Она попробовала разорвать ткань, но все усилия были тщетны: сде-

Увеличив до предела мощность
своего двигателя, Икар
через несколько минут
подлетел к Ие.

ланная, очевидно, из синтетических материалов, ткань была прочной, как металл, и мягкой, как пух.

«Может быть, эта удивительная ткань имеет какое-нибудь отношение к «Малахиту»? — подумала девушка. — Надо дать знать Икару».

— Лети ко мне, — сказала Ия. — Я тут. Нашла что-то интересное. Может, это поможет поискам.

Увеличив до предела мощность своего двигателя, Икар через несколько минут подлетел к Ие. Глянув на гигантское полотнище, он глухо вскрикнул. Деревья прикрывал один из тормозных аварийных парашютов «Малахита», очевидно, оторвавшийся во время посадки. Правда, парашюты на «Малахите» были белыми, а не алыми, но изменение окраски, очевидно, было вызвано красным солнцем планеты.

— Это тормозные парашюты нашего корабля! — воскликнул Икар. — Он должен быть где-то недалеко. Летим, Ия, летим!

— Но куда? — возразила Ия. — Давай-ка поднимемся повыше. Может, мы увидим еще один парашют или хотя бы лоскут от него. Тогда мы будем знать, в каком направлении вести поиски.

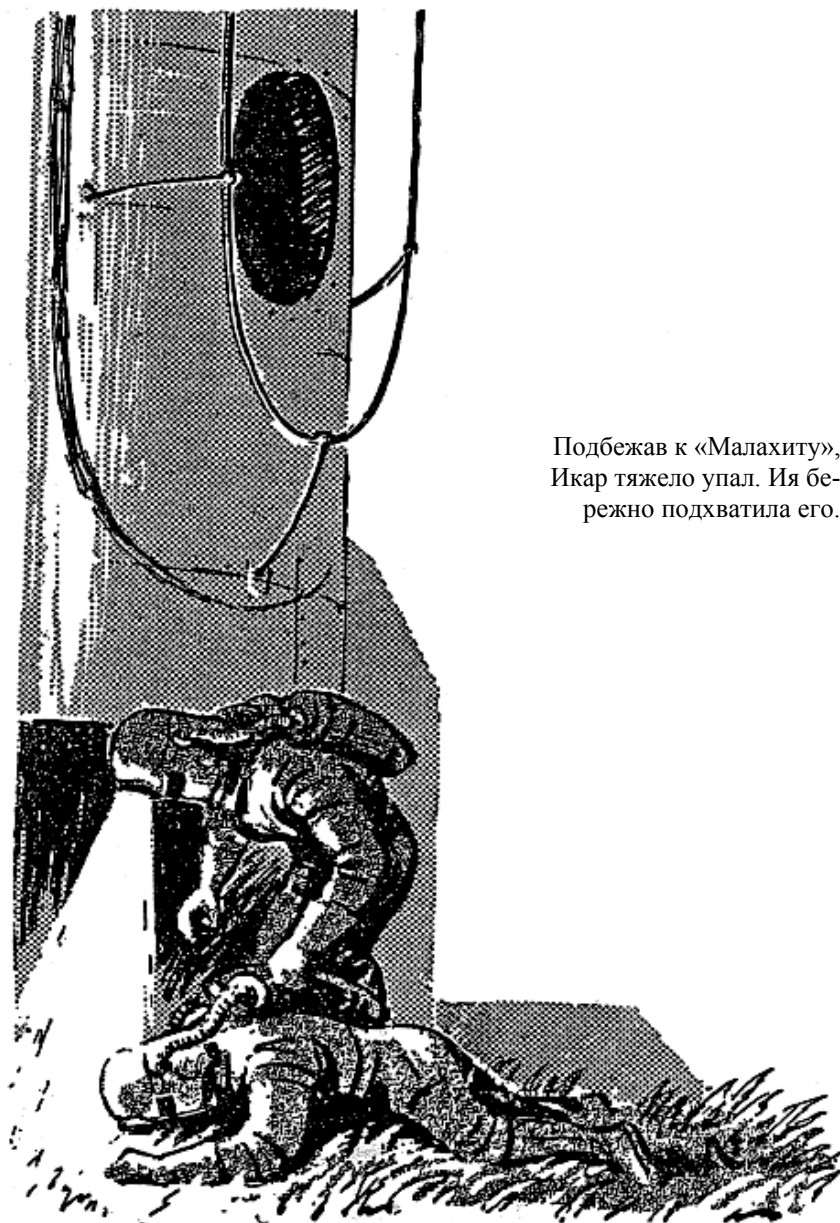
— Хорошо, — согласился Икар и нажал на кнопку вертикального подъема на своем двигателе. Вслед за ним взлетела девушка. Они поднялись на высоту до ста метров и начали парить в воздухе, осматривая лес. Где-то вдалеке под лучами солнца жарко горело алое пятнышко. Парашют?

Не говоря ни слова, Ия и Икар устремились туда.

Этот полет длился около часа. Они пролетели почти сто километров, когда оба с уверенностью могли сказать: «Да, парашют». Разодранный на огромные клочья, он лежал на смятых, обожженных вершинах деревьев.

Не задерживаясь у него, Икар и Ия полетели дальше. Предчувствие скорой встречи с «Малахитом» охватило их. Словно легкокрылые птицы, они неслись вперед.

Внезапно лес кончился, Икар и Ия вылетели на огромную поляну, примыкавшую к озеру. Почти в центре поля-

Подбежав к «Малахиту»,
Икар тяжело упал. Ия бережно
подхватила его.

ны, распластав на траве остатки гигантских парусов-парашютов, стоял металлический цилиндр. Это был «Малахит», вернее то, что осталось от него после аварии и отлета «Звездочки».

Ия молнией устремилась вниз, а Икар, как подбитая птица, затрепыхался в воздухе: от волнения он забыл, как надо переключать двигатель на спуск. Ия подлетела к нему и перевела рычажки. Икар плавно полетел на землю.

Приземляясь, Ия успела крикнуть в микрофон: «Все в 24-й сектор первого квадрата! «Малахит» найден!»

Икар не совсем верно рассчитал точку приземления и опустился метра в восьмидесяти от «Малахита». Но сила притяжения на Трите была почти в три раза меньше земной, даже в тяжелом скафандре мальчик в десяток прыжков достиг своего корабля.

— Отец, где ты? Это я, Икар! — задыхаясь от волнения, кричал мальчик, забыв о том, что он в скафандре и отец не может его услышать. — Где ты, отец?

Подбежав к «Малахиту», Икар тяжело упал. Ия бережно подхватила его.

Люк «Малахита» был открыт, все вокруг — разбросанные книги, разбитые приборы, обрывки карт и фото-кинолент, вытоптанная трава — свидетельствовало о жестокой борьбе.

Положив обессиленного, потрясенного Икара на траву, Ия поднялась на площадку верхнего обзора. Внешний люк шлюзовой камеры был открыт, внутренний плотно завинчен, преграждая путь в корабль.

Над поляной показались перовые сирасколийцы, прилетевшие по сигналу, поданному Ией.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Посадка. Первая вылазка. Планета красной звезды.
Схватка двух исполинов. Пещера у малинового озера.
Находка.

Побледнев от напряжения, Ожегов, не отрывая взгляда от экрана локатора, вел «Малахит» на посадку. Грохот и вой воздуха, рассекаемого кораблем, гул планетарных двигателей сотрясал его стены, гигантским молотом бил по голове. Из носа у Андрея Дмитриевича хлынула кровь. Сглатывая вязкую слюну и чувствуя, как незримой волной подкатывает к горлу тошнота, он нажимал на кнопки и рычажки центрального пульта, уменьшая площадь парашютов, регулируя направление реактивных струй, и напряженно выбирал место, где можно было бы приземлиться, не разбив звездолет.

Лес, темневший на горизонте, привлек его внимание. Он мог служить хорошей тормозной подушкой и смягчить удар. Изменив расположение рулевых щитков в дюзах планетарных двигателей, Ожегов повел звездолет туда.

«Малахит», словно смерч, пронесся над лесом, подминая его под себя и оставляя на деревьях клочья ткани парашютов, развернулся и кормой тяжело упал на поляну. Какое-то мгновение он стоял на земле, словно огромный сужающийся стакан, а потом опрокинулся на днище. Перед глазами у Ожегова замельтешила разноцветная метель. Отброшенный могучим толчком к стене, он упал на пол.

Ожегов не знал, сколько времени пробыл без сознания. Когда он очнулся и открыл створы смотровых иллюминаторов, там, за бортом корабля, была уже ночь. Черное безоблачное небо, прошитое огненно-красными разливами-сполохами, глядело в бронированные стекла корабля. Кое-где на нем слабо мерцали звезды.

Спать не хотелось. Умывшись и сменив окровавленную одежду, Ожегов стал внимательно изучать показания приборов, автоматически записавших характеристику неизвестной планеты.

По объему она была почти в три раза меньше Земли. Вращаясь вокруг своей оси и красной звезды, служившей ей солнцем, планета совершала суточный оборот за 16 часов, годовой— за 241 земные или 361 планетные сутки. Она находилась от своего солнца на расстоянии всего примерно в 100 миллионов километров.

Очевидно, в той части планеты, где он приземлился, сейчас было лето: термометры показали, что днем температура достигла 52 градусов тепла по Цельсию, сейчас она уже упала до 17 градусов. Климат здесь скорее всего был резко континентальный.

Анализы были ободряющими. К трехкратному уменьшению силы тяжести и красному солнцу можно было привыкнуть, приспособиться. Климат, высокая влажность воздуха, леса, луга и горы, которые успел рассмотреть Андрей Дмитриевич при приземлении, говорили о том, что на планете должен быть обильный и разнообразный растительный и животный мир.

Хуже было с воздухом. Ожегов без труда установил, что кислорода в его составе недостаточно для нормального дыхания. Даже небольшая прогулка без скафандра по планете грозила самыми тяжелыми последствиями. Это огорчило Андрея Дмитриевича, — легкий, эластичный скафандр все же сковывал движения. Но с этим приходилось примириться, как с неизбежным злом.

Ожегов взглянул на часы. Ночь, по его расчетам, должна была скоро закончиться; независимо от положения планеты по отношению к красной звезде, больше 6-8 часов длиться она не могла. Решив утром совершить первую вылазку, чтобы ознакомиться с окрестностями, он лег в кресло-кровать и, утомленный событиями последних дней, крепко уснул.

Он проснулся, едва багрово-красные лучи восходящей звезды проникли сквозь круглые стекла иллюминаторов.

Призрачный, тревожный свет мутным потоком залил штурманскую рубку — день пришел на смену ночи так быстро, как будто в затемненной комнате кто-то сразу включил свет. Ожегов даже не успел заметить мягкие, зыбкие полутона перехода, серые сумерки рассвета, зори, которые возвещали на Земле восход солнца. Раскаленный огненный шар повис на светло-желтом небе, испятнанном островками черных облаков. Для похода он решил использовать легкий наземный скафандр с запасом кислорода на 89 часов. Сделанный из исключительно прочных видов пластических материалов, скафандр весил всего шесть килограммов, специальные терморегулирующие устройства поддерживали в нем постоянную температуру. Скафандр был очень легким и эластичным, на свободу движений он оказывал совсем незначительное влияние.

На смотровом стекле шлема Ожегов укрепил систему светофильтров, которые смягчали неприятную резкость красных световых лучей. Мощный прожектор, коротким раструбом выступавший над шлемом и соединенный с автоматическим микрокиноаппаратом, позволял продолжать путь даже в самую темную ночь и в любое время делать снимки. Крохотная радиостанция, смонтированная в левом манжете скафандра, невидимыми нитями должна была связывать Ожегова с кораблем, позволяла ему свободно ориентироваться на местности.

Внимательно осмотрев скафандр, Андрей Дмитриевич надел его, укрепил на поясе два К-лучевых пистолета и нож-резак и, взяв бухту прочного и почти невесомого синтетического троса, вышел в шлюзовую камеру. Насосы быстро откачивали из нее драгоценный кислород, люк бесшумно отошел в сторону, и Ожегов легко вышел на палубу корабля.

Под ногами у него, широкой длинной полосой простираясь с севера на юг, лежала холмистая степь, заросшая гигантскими папоротникообразными растениями, буйной ржавой травой. Очевидно, было время цветения — степь переливалась розовыми, красными, оранжевыми, желтыми цветами огромных размеров. Покачиваясь на тонких нож-

ках, достигавших двух-трех метров в высоту, они упрямо тянулись к солнцу, жадно впитывая его красные лучи. Над цветами медленно кружились разноцветные бабочки, устрашающих размеров насекомые наполняли воздух ровным и сильным жужжанием, которое Ожегов мог хорошо слышать благодаря внешним микрофонам, вмонтированным в шлем.

Над цветами кружились
разноцветные бабочки
и насекомые устрашаю-
щих размеров

На западе высился буро-коричневый лес, с востока к степи подступало закованное в мрачные утесы огромное озеро. Нежно-малинового цвета вода его, казалось, была подожжена. Над озером колыхалось зыбкое море.

По вмонтированным в корпус ступенькам-скобам Ожегов спустился на землю и смело углубился в траву, скрывшую его с головой. Он знал, что, одетому в сверхпрочный скафандр, здесь ему ничто не угрожает, но все же шел настороженно, бесшумно раздвигая левой рукой высокие стебли, а в правой сжимая рубчатую рукоятку пистолета.

Мягкий светло-желтый мох, стлавшийся по земле, пружинил, идти было необыкновенно легко. Ожегов знал, что эта легкость вызвана меньшим, чем на земле, гравитационным полем планеты. Человек недюжинной физической силы, он чувствовал себя сейчас просто исполином.

В небе над ним кружили птицы, жадно высматривая добычу. Размерами они превосходили самых крупных земных птиц, которых когда-либо Ожегову приходилось видеть. Гигантские крылья позволяли птицам подолгу планировать над одним местом. Их треугольные туловища и вытянутые шеи со свистом рассекали воздух.

Недостаток кислорода на планете, небольшая сила притяжения вызвали к жизни необычайные, по сравнению с земными, формы растений и животных. Присмотревшись к ним, Ожегов решил, что планета проходит еще низшую стадию развития. Взобравшись на высокий пологий холм, он убедился в этом.

Впереди, у подножия холма, паслось громадное травоядное животное. Благодаря оптическим особенностям смотрового стекла Андрей Дмитриевич смог издали хорошо рассмотреть его. Животное чем-то неуловимо напоминало носорога. Массивная туша, короткие толстые ноги его росли волнистой темно-коричневой шерстью, длинная утончающаяся шея, на которой кожа висела толстыми складками, была совершенно голой. Она оканчивалась огромной головой, увенчанной острым рогом.

Широкой пастью животное захватывало целые охапки травы и медленно пережевывало ее, время от времени издавая трубный рев, сотрясающий окрестности.

Ожегов сфотографировал чудовище и собирался уже двинуться дальше, чтобы обойти его, как вдруг животное перестало есть и беспокойно затопталось на месте. Заинтересованный Андрей Дмитриевич принялся снова наблюдать за ним. И через несколько мгновений он оказался свидетелем смертной схватки двух исполинов.

Внезапно переменившийся ветер подсказал носорогу о приближении врага. Ожегов даже не смог рассмотреть его, настолько молниеносным был его прыжок. Казалось, прос-

то легкая, рваная тень взметнулась над беспокойно топтавшимся животным, но грозный рев показал, что враг не промахнулся, и удар его был точным. Огромный, похожий на пантеру, зверь впился в шею животного и рвал ее острыми клыками.

Носорог замотал головой, разбрызгивая далеко вокруг фонтаны крови, но сбросить противника с шеи не мог. Черная пантера крепко оседлала его, стремясь скорее прогрызть толстую кожу.

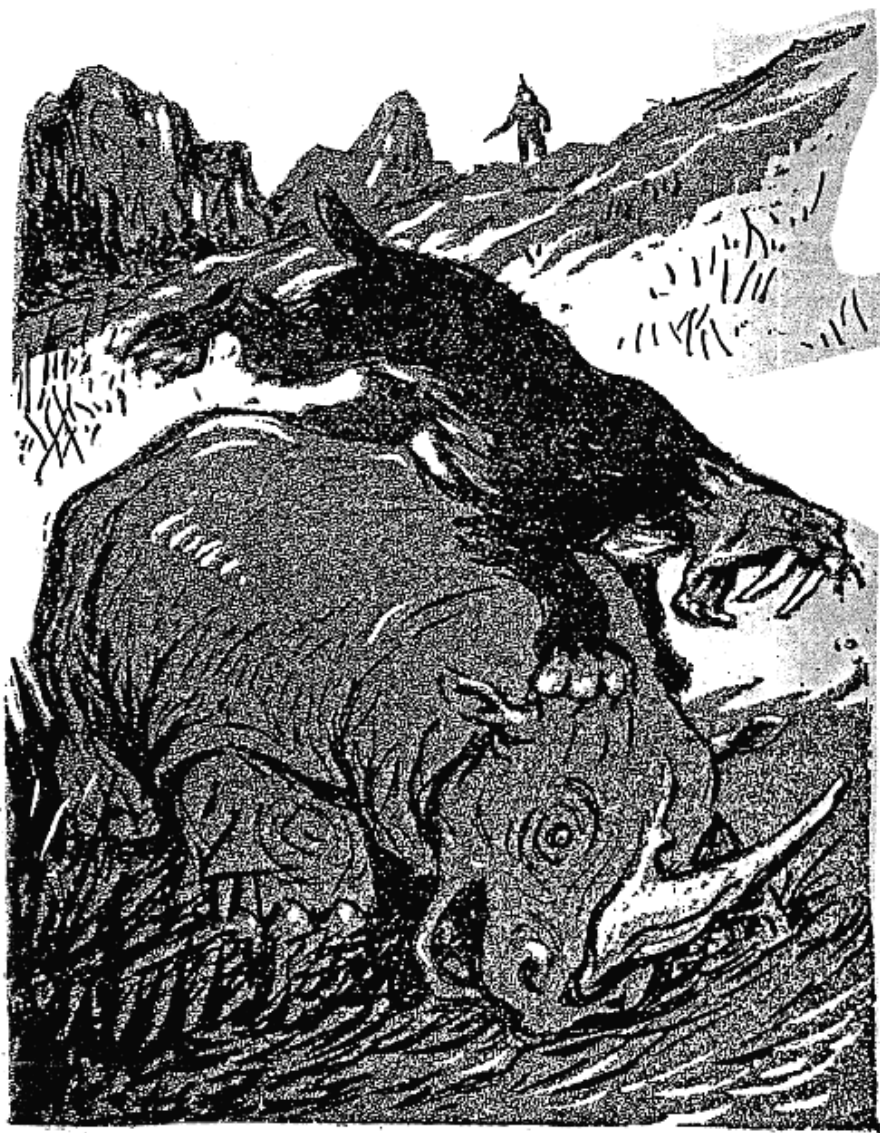
Тогда многотонная туша вдруг рухнула и начала кататься по земле, чтобы тяжестью своей раздавить противника. Прием этот, очевидно, был хорошо знаком пантере, потому что она тут же выпустила добычу и, как пружина, метнулась в сторону, описывая вокруг разъяренного животного большие круги и выискивая места, откуда можно было бы еще раз безопасно напасть.

Андрей Дмитриевич понимал, что неповоротливое животное было безоружным против железных когтей и длинных саблевидных клыков хищника. Борьба должна была вот-вот закончиться, и он следил за ней, затаив дыхание.

Животное встало, нацелив на врага свое единственное оружие — острый полутораметровый рог. Но пантера сделала обманное движение, и, пока носорог повернулся, снова оказалась у него на загривке.

Грозный рев, топот и острый запах крови привлекли к месту схватки десятки хищников помельче. Ожегов видел, как наблюдали они с почтительного расстояния за борьбой, уверенные, что, кто бы ни вышел победителем в этом поединке, им тоже кое-что перепадет. В основном, это были грязно-бурые пятнистые животные, похожие на волков, с сильно вытянутыми пастями, усеянными острыми клыками. Глаза их горели голодными, зловещими огоньками.

Пантера уже торжествовала победу. Животное, отчаянно трясая головой, неуклюже топталось на месте, не в силах сбросить врага. Опьяненный успехом, хищник всего на какое-то мгновение потерял бдительность и тут же оказался под ногами носорога.

Огромный, похожий на пантеру зверь впился в шею животного.

Ожегов вздрогнул — положение изменилось. Взмешенное от нестерпимой боли многотонное чудовище топтало своего врага, и через несколько секунд от хищника осталось только темно- бурое, вбитое в землю, пятно.

Расправившись с пантерой, животное издало торжествующий рев и тяжело рухнуло на землю. А через минуту его уже окружили звери, похожие на волков. Трусливые и жадные, они рвали поверженного исполина, к которому в иное время не решились бы даже приблизиться, и жалобный рев его, похожий на стон, уже не тревожил их.

Этого Ожегов вынести не мог. Выхватив из-за пояса Ключевой пистолет, он провел смертоносным лучом по хищникам, сгрудившимся у животного. Вокруг него тут же выросла гора обугленных трупов.

Потрясенный зрелищем схватки, Ожегов медленно побрел к озеру, чтобы у светло- малиновой воды отдохнуть и собраться с мыслями. Планета изобиловала злыми и хищными зверями. Несмотря на сверхпрочный скафандр и грозное оружие, надо было соблюдать осторожность. Под многотонной тушей такого животного скафандр мог лопнуть, как скорлупа ореха.

Короткий день близился к концу, когда Андрей Дмитриевич добрался до озера. Осмотр его он решил отложить на завтра. Высокие утесы, громоздившиеся на берегу, затрудняли движение, а прожектор он включать не хотел, чтобы не привлечь внимание хищников, по ночам выходивших на охоту. Еще засветло Ожегов увидел на берегу озера под одиноким утесом узкий вход в пещеру и решил заночевать в ней.

Осторожно пробравшись по тесной штольне, Ожегов включил прожектор. Перед ним лежало просторное сводчатое помещение, образовавшееся, очевидно, в результате сдвига земной коры. Темный круг в центре привлек внимание Андрея Дмитриевича. Подойдя к нему, Ожегов вскрикнул.

Перед ним лежало кострище. В нем тлели куски какого-то серебристого металла.

Рядом с кострищем Ожегов увидел груды такого же металла, половину туши какого-то животного, груды обглоданных костей и наваленные шкуры неизвестных зверей.

Сомнений не оставалось — не больше часа тому назад здесь были люди.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Люди?! При свете костра. Встреча. В плену пигмеев.
Схватка в ущелье. Снова в плену. Привал.

Люди на неведомой планете? Люди, способные жить при таком незначительном количестве кислорода в воздухе? В первое мгновение все это показалось Ожегову каким-то фантастическим сном. Но куски металла, неярко мерцавшие в кострище, обглоданные кости в углу и недоеденное мясо говорили о том, что это не сон, что приспособляемость организма к окружающим условиям необычайно, удивительно велика.

Люди... Ожегов так стремился к ним, к могучим, разумным существам, населяющим другие миры Вселенной. Судьба жестоко посмеялась над ним, осуществив его мечту. Он встретится с ними, но это будут не могучие существа, покорившие себе природу, а жалкие рабы ее, пещерные люди, дикари, кромсающие мясо кремневыми ножами.

Ожегов подобрал один такой нож у костра и с чувством горького сожаления подбросил его на руке. Кремневый нож и... звездолет, летящий с субсветовой скоростью... А впрочем, все правильно. Разве не он сам вместе с другими учеными утверждал, что, развиваясь по единым законам, жизнь на планетах Вселенной и должна находиться на разных ступенях развития, в зависимости от возраста планеты?! До сегодняшнего дня это было предположение, теперь это — научная теория, подкрепленная неопровержимыми доводами. А значит, и мечта Ожегова о встрече с людьми, стоящими на уровне развития землян и превзошедшими его, тоже не бесплодная фантазия. Такие люди есть, и если не он, то другие встретятся с ними.

Занятый своими мыслями, Ожегов прилег на наваленные шкуры. Если Икар благополучно долетит до Земли, значит, примерно, через 18-20 земных лет «Малахит» нач-

нут разыскивать. Двенадцать лет на дорогу Икару, шесть-восемь — на снаряжение и полет нового звездолета. Поиски неизбежно приведут людей к планете красной звезды. Главное — не терять надежды. А 18-20 земных лет — это около трех планетных десятилетий, это огромный период, за который можно много сделать.

Не вставая со своего места, Андрей Дмитриевич дотянулся до груды металла, взял несколько кусков, разгреб золу и бросил их на уголья. Металл был необыкновенно легким, он тут же вспыхнул. Через несколько минут весело затрещал огонек, осветив дрожащим светом своды пещеры. Глядя на него, Ожегов вспомнил Землю, редкие вечера, когда он, бросив работу, отправлялся на рыбалку и потом сидел вот так у костра, коротая недолгие июньские ночи, и грустно вздохнул. Тоска по сыну затуманила его глаза, но он отогнал ее и стал думать о том, что он будет делать на этой планете.

Конечно, в первую очередь надо будет познакомиться и подружиться с людьми — хозяевами планеты, изучить их язык. А затем? О, затем он не станет тратить времени даром! Вооруженный знаниями, добытыми историческим развитием человечества, сложнейшими приборами, механизмами и орудиями, оставшимися на «Малахите», он поможет людям планеты за срок своего заточения совершить прыжок из первобытного состояния в новую эру. Он научит их строить жилища, добывать и плавить металлы, обрабатывать землю; вместе с ними он истребит на планете всех хищников, приручит полезных животных; он создаст школы, прогонит невежество и суеверие, царящие в головах у дикарей, соединит их племена в одну великую семью...

Ожегов был уверен, что у него хватит силы и энергии, чтобы осуществить свои обширные планы с помощью наиболее толковых и смелых жителей планеты. Разумеется, они уже знают о его прилете; приземление такой махины, как «Малахит», не могло пройти незамеченным, тем более, что произошло довольно близко от стоянки племени: рядом с пещерой, давшей ему приют, должны были быть и другие.

Размышления Андрея Дмитриевича прервало красное зарево, вспыхнувшее у входа в пещеру. Начинался второй день его пребывания на планете, которой он не успел еще дать наименования.

Ожегов осторожно вышел из пещеры и осмотрелся — вокруг никого не было. Тогда он, неслышно ступая по крупной гальке, усеявшей берег, быстро пошел к кораблю. Он шел и спиной буквально чувствовал десятки глаз, провожавших его. Но сколько Андрей Дмитриевич ни оглядывался, все было тщетно. Галечник окончился, начиналась безмолвная степь, вокруг никого не было.

«Малахит» стоял на своем месте. Буйная растительность уже уничтожила все следы огня, бушевавшего здесь при его приземлении, у корабля на длинных тонких ножках покачивались черные цветы. Ожегов поднялся на палубу, открыл люк шлюзовой камеры и вошел в звездолет.

Прошла еще одна ночь. Перед второй вылазкой Ожегов сменил кислородный баллон и прикрепил к поясу два запасных. Теперь он мог оставить корабль на 267 часов. С собой он взял несколько альбомов, рисунки в которых должны были рассказать жителям планеты о развитии жизни на Земле, коробки с телефильмами и маленький проекционный аппарат, питавшийся от аккумулятора. Для первой встречи с хозяевами планеты этого было достаточно.

Перед тем как войти в шлюзовую камеру, Ожегов через систему перископических устройств внимательно осмотрел окрестности. Несколько раз колебания высокой травы у «Малахита» показались, ему подозрительными, но сколько Андрей Дмитриевич ни напрягал зрение, рассмотреть ему ничего не удалось.

Решив направиться к озеру, чтобы обстоятельно осмотреть пещеры, Ожегов вышел на палубу корабля. Он уже собирался пустить в ход автоматическое устройство, закрывающее внешний люк, как оказался буквально погребенным под лавиной человеческих тел, совершенно непостижимо взлетевших из травы на пятиметровую высоту палубной площадки.

Пигмеи связали Ожегова по рукам
и ногам гибкими растениями,
похожими на лианы.

Смятый, ослепленный неожиданной атакой дикарей, Ожегов не успел опомниться, как оказался на земле. Выронив альбомы и коробки с фильмами, собрав все силы, он попытался выбраться из клубка человеческих тел. И на какие-то доли минуты это ему удалось.

«Кажется, не очень-то они поверили в мое божественное происхождение», — подумал Андрей Дмитриевич, расшвыривая облепивших его дикарей. Пустив в ход пистолет, он живо разметал бы их, но это были люди, и Ожегов решил не применять оружие. Потом он тяжело упал на траву, связанный по рукам и ногам гибкими растениями, похожими на лианы.

«Ну что ж, будем считать, что знакомство состоялось. Хорошо, что на мне скафандр, иначе оно могло бы плохо кончиться», — подумал Ожегов и принялся рассматривать своих победителей.

Это были пигмеи, самый высокий из которых едва достигал одного метра. По сравнению с ними, Ожегов выглядел гигантом, и только благодаря тому, что их собралось около ста человек, они отважились напасть на него. У дикарей была багрово-красная кожа, покрытая длинными желтоватыми волосами, короткое мускулистое тело с необыкновенно широкой грудью и длинные, ниже колен, могучие руки. Огромные, расширяющиеся кверху головы росли, казалось, прямо из плеч.

Ожегов глянул на них и содрогнулся — это были головы людей-птиц. Обтянутые сухой морщинистой кожей огромные черепа, четко очерченные приплюснутые лбы, глубоко под которыми были запрятаны маленькие глаза, вытянутые далеко вперед, открывавшие мощные, усеянные крупными, коническими зубами челюсти, плотно прижатые уши с оттянутыми мочками — все это придавало людям свирепое выражение. У корабля были только воины, вооруженные легкими дротиками и пращами с какими-то круглыми метательными снарядами. Они не знали совершенно никакой одежды.

Скосив глаза, Ожегов видел, как большая группа пигмеев забралась в шлюзовую камеру: очевидно, они пробо-

вали открыть внутренний люк. Он невольно улыбнулся — нет, это было дикарям не под силу. Они, видно, тоже поняли это, потому что вскоре вышли из камеры и принялись осматривать и обнюхивать корабль.

«И вот их-то я хотел научить читать и писать, плавить металлы и строить дома, — с грустью подумал Ожегов, наблюдая, как, неловко подпрыгивая и воинственно размахивая дротиками, пигмеи исполняют какой-то танец на палубной площадке. — Пожалуй, для этого тридцати лет мало...»

Повернув в шлеме голову, он посмотрел на дикарей, столпившихся вокруг него. Они терзали альбомы, которые он собирался им показать, рвали друг у друга из рук микрокиноленты, время от времени перекидываясь скрипучими, отрывистыми словами. О нем они, казалось, забыли. Но это было не так. Едва Ожегов попробовал пошевелить связанными руками, как тут же снова оказался погребенным под скользкими, блестящими телами.

Через несколько минут дикари подхватили его на руки, и весь отряд двинулся к малиновому озеру.

Лежа на руках пигмеев и плавно покачиваясь в такт их движениям, Андрей Дмитриевич раздумывал над создавшимся положением. Пока оно не внушало ему опасений: в корабль дикари не попали; находясь в скафандре, он не опасался их палиц и дротиков; запаса кислорода должно было хватить надолго. Во всяком случае, к тому времени, когда кислород подошел бы к концу, Ожегов надеялся освободить руки. А если обстоятельства вынудили бы его пустить в ход пистолет, он мог бы проложить себе дорогу к кораблю даже среди всего населения планеты. То же, что он попал к дикарям в плен, позволяло ему хорошо ознакомиться с их бытом, обычаями и попытаться подружиться с ними.

Хотя первоначальные намерения Ожегова пошатнулись при виде пигмеев, он не терял надежды, что сможет многое сделать для них.

После нескольких часов ходьбы отряд прибыл на берег озера, но не остановился у пещеры, где провел ночь Ожегов, а пошел дальше, углубляясь в бесконечные лабиринты

горных отрогов, несколькими цепями протянувшимися вдоль побережья. Отряд спешил, словно уходя от преследования.

Ожегов видел, как по пути большая группа воинов за чем-то отлучилась от отряда. Вскоре они вернулись, тяжело нагруженные убитыми животными, напоминавшими многолапых двухметровых ящериц.

Войдя в глубокое ущелье, отряд выставил часовых и стал на привал. Добычу охотники сложили в центре, и старейшины — трое наиболее рослых и свирепых дикарей, ловко орудуя руками и зубами, быстро разделили ее на большие куски.

Пигмеи ели сырое мясо, разрывая куски острыми изогнутыми зубами. Кровь текла по их рукам. Возбужденные запахом пищи и, видимо, опасавшиеся, что им ничего не достанется, часовые оставили свои посты у выходов из ущелья и тоже присоединились к пиршеству.

Зрелище было настолько омерзительным, что Андрей Дмитриевич закрыл глаза.

Резкий, пронзительный крик заставил его сделать попытку приподняться, и это удалось ему.

Ущелье, окруженное со всех сторон голыми, обрывистыми утесами, напоминало большой каменный мешок, из которого было только два выхода — почти трехметровый проход, в который они вошли, и узкая щель впереди. И в обоих проходах Ожегов увидел людей, отличавшихся по виду от тех, которые взяли его в плен. Свист камней, дробиков и пронзительные крики подтвердили, что он не ошибся, что люди, появившиеся в проходах, и пигмеи — враги.

Тугие лианы не мешали Ожегову поворачиваться с боку на бок. На этот раз он стал свидетелем не схватки животных, а беспощадного сражения людей.

Нападавшие, очевидно, устроили в выходе из ущелья засаду, а то, что часовые бросили свои посты, позволило им отрезать пигмеям путь к отступлению. Через мгновение лавина воинов с двух сторон влилась в ущелье... Закипел рукопашный бой.

Нападавшие значительно превосходили пигмеев ростом. Кожа у них была светлее, размеры туловища, рук и ног про-

порциональнее. Вооружены они были двухметровыми дубинами, утолщавшимися на конце. Стремительно вращая их, они опускали это грозное оружие, на головы своих противников.

Несколько минут в ущелье ничего нельзя было разобрать. Все сплелось в клубок воющих, качающихся, рвущих друг друга тел. словно в калейдоскопе промелькнул перед Ожеговым светлокожий гигант, взмахом палицы раскроивший голову пигмею и павший от копья другого, пронзившего его насквозь; пигмей, поваливший своего противника и тянувшийся длинными руками к его горлу, а рядом — еще один пигмей, извивающийся от страшной боли на каменистой земле.

Потом из сумятицы борьбы Ожегов выделил высокого, широкоплечего и, по-видимому, еще молодого воина и начал наблюдать за ним, стараясь не выпускать его из вида.

Ростом юноша, пожалуй, не уступал Ожегову. Лицо его, широкое, скуластое, с низким, чуть скошенным лбом, переходящим в широкие надбровные дуги и оттененным шапкой густых черных волос, в которые были воткнуты длинные перья, казалось возбужденным борьбой. Большие глаза внимательно осматривали поле битвы. Неутомимый, он успевал всюду, где его соплеменникам приходилось туго, и палица его, словно молния, крушила пигмеев.

Сражение длилось менее получаса, а Ожегову казалось, что уже десятки часов наблюдает он за ним. Окончилось оно так же внезапно, как и началось. Все пигмеи были уничтожены. Предсмертные стоны искалеченных, умирающих людей, подхваченные эхом, возвестили о победе пришельцев.

И опять Ожегов увидел юношу, которого было потерял в догравшей схватке. Осторожно обходя раненых врагов, он приблизился к нему, широко развел руки в стороны и скрестил их над головой. Все воины, оставшиеся в живых, в немом безмолвии повторили его жест.

«Вот и начала действовать легенда о моем божественном происхождении, — подумал Ожегов, обрадованный встрече с несомненно более высоко организованными существ-

вами. — Значит, они спасли свое божество? Ну что ж, пусть пока будет так».

Ожегов приподнялся, но снова упал на камни. И только тогда юноша увидел лианы, опутавшие его. Разбив два камня, он острым краем перепилил их. Андрей Дмитриевич встал на ноги. Вождь, а по тому почтительному вниманию, которым был окружен юноша, Ожегов решил, что это вождь, что-то сказал ему звонким, чистым голосом. Но язык Андрею Дмитриевичу был незнаком.

Тогда вождь указал Ожегову на выход из ущелья и что-то крикнул своим воинам. Они окружили Андрея Дмитриевича плотным кольцом, подобрали своих раненых и, оставив ущелье, над которым уже кружили стаи хищных птиц в ожидании добычи, быстро пошли вперед. Увлеченный движением толпы, Ожегов пошел вместе с дикарями.

На ночь отряд остановился в огромной базальтовой пещере на самом берегу малинового озера. Волны с мягким шорохом перекачивали гальку у самого входа в нее — узкой извилистой норы, загромажденной острыми уступами. Еще засветло воины натаскали хвороста, охотники, посланные вождем, вернулись, тяжело нагруженные добычей. И когда густая тьма закупирила проход из пещеры, в центре ее уже пылал большой костер, освещая угрюмые, цвета светлой меди, лица дикарей.

Костер разжигал вождь. Из сумочки, прикрепленной к левому бедру, он достал два плоских камня, с силой ударил ими, и рой искр обрушился на мелко искрошенный серебристый металл, который Ожегов уже видел минувшей ночью. Металл начал тлеть и вскоре, раздуваемый могучими легкими людей, вспыхнул трепетным огоньком.

Ожегов с интересом наблюдал за тем, как дикари раздвигали острыми каменными пластинками добычу. Огромный бык, с короткими, толстыми, словно столбы, ногами и вытянутой далеко вперед клинообразной мордой, был разрублен на части там, где его убили охотники. Сейчас воины отрезали длинные тонкие полоски и поджаривали их на жарком пламени.

Несколько, видимо, наиболее лакомых кусков вождь сам вырезал из части туши, лежавшей перед ним, поджарил их и протянул Ожегову, сидевшему у огня на плоском камне. Когда Ожегов отрицательно покачал головой, вождь, с недоумением посмотрев на него, отложил мясо в сторону, снова скрестил над головой руки и сам принялся за еду.

Среди дикарей было немало раненых. Сейчас, поев, они замазывали кровоточащие раны какой-то темной, плотно присыхавшей к телу массой. Андрей Дмитриевич вспомнил о корабельной аптеке и пожалел, что не захватил с собой никаких медикаментов — как быстро и легко мог бы он сейчас облегчить страдания своих новых друзей!

Пиршество окончилось, и утомленные битвой и тяжелым переходом дикари легли у костра ногами к догорающему огню и уснули. Только часовые у входа бодрствовали. Сжимая в руках легкие дротики и переступая с ноги на ногу, они упорно, боролись с дремотой, настороженно прислушиваясь к черной тишине, царившей за входом.

Ожегов, положив под голову плоский камень, на котором он сидел, тоже прилег, но не у костра, а в дальнем углу пещеры. Убаюканный негромким шорохом волн, доносившимся от озера, он вскоре уснул.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Привидение малинового озера. За мгновение до смерти.

Победа. В глубь планеты.

Сколько он спал, — труд но было сказать — может, два часа, а может, двадцать минут, когда крики ужаса и тяжелые стоны заставили его вскочить со своего жесткого ложа... В первое мгновение Ожегов ничего не мог понять — костер погас, непроглядная ночь стояла в пещере. В фиолетовой черноте можно было только различить смутные очертания толпы людей, мечущихся из одного угла пещеры в другой, давящих друг друга и оглашавших все вокруг страшными криками отчаяния и животного страха.

В следующее мгновение он увидел, что по всей пещере шевелятся фосфоресцирующие светло-красные нити, проникая в каждый уголок пространства.

Ожегов включил прожектор. Молочно-белый свет залил пещеру, и то, что он увидел в ней, заставило его стремительно потянуться к рукоятке пистолета.

Гигантское существо, порожденное неведомыми глубинами малинового озера, напало на беззащитных людей, заперев их под каменными сводами пещеры. Десятки рук его — длинных темно-бурых змей с крохотными головками-присосками, на которых горели злобным огнем рубиновые точки, метались по пещере, словно приносясь к чему-то. Нащупав жертву, щупальцы мгновенно, словно тугая пружина, обвивались вокруг ее, сокрушая и дробя кости захлебывающегося от крика человека, и утаскивали к выходу. Там, заполнив все пространство, тяжело колыхалась расплывчатая студенистая масса тела чудовища, сухо щелкавшего клювом огромной пасти.

Луч белого света, который еще никогда не освещал планету, ошеломил, парализовал чудовище, огромные щу-

Гигантское существо, порожденное неведомыми глубинами малинового озера, напало на беззащитных людей, заперев их под каменными сводами пещеры.

пальцы его замерли на скользких от крови камнях, не выпуская свою добычу. Дикари, сраженные этой новой, неведомой опасностью, упали на землю. Ожегов взглянул на них и от изумления ахнул: в белом свете тела дикарей стали голубыми. Но долго удивляться Ожегову не пришлось. Со свистом разрезая воздух, от тела исполинского чудовища отделился темно-бурый жгут, толщиной в руку, и могучим ударом в грудь сбил его с ног.

Словно увидев в нем главного своего врага, все щупальцы чудовища метнулись к нему. И Андрей Дмитриевич еще не успел опомниться, как оказался спеленатым ими по рукам и ногам. Сила щупальцев была так велика, что Ожегову казалось, что, даже несмотря на скафандр, он ощущает, как у него трещат кости.

Несколько десятков щупальцев, обхвативших Ожегова, начали медленно сокращаться, подтягивая его к страшной пасти. Сквозь стекло скафандра похолодевший от ужаса Ожегов увидел огромный фосфоресцирующий глаз чудовища, устремленный на него и парализующий его волю, увидел гигантские бородавчатые наросты на его теле, шевелившиеся грязными лоскутами. Им овладело какое-то оцепенение.

Часть жгутов резко сократилась и перевела Андрея Дмитриевича в горизонтальное положение. Очевидно, намереваясь проглотить его, чудовище хотело как можно дальше отбросить источник света. Рука Ожегова с пистолетом, плотно прижатая к туловищу, оказалась пробив пасти чудовища. И тогда он мягко нажал на спусковую кнопку.

В то же мгновение Андрей Дмитриевич отлетел в дальний угол пещеры и, ударившись о камни, упал на землю. Смертоносный К-луч пронзил чудовище, предсмертная судорога свела все его щупальцы, и они начали конвульсивно биться о камни.

Лежа на боку, Ожегов снова направил пистолет, метаясь в то самое место, где должен был находиться глаз чудовища. Конвульсии тут же прекратились — чудовище было мертво.

Дикари, сбившиеся в углу, с трепетным ужасом наблюдали за этим поединком. Они не могли поверить неожиданному спасению и со страхом ожидали, что сейчас снова зашевелиятся щупальцы. Но щупальцы были неподвижными, и Ожегов уже с любопытством рассматривал их, приподнимая носком ноги.

Внимательно осмотрев пещеру, Андрей Дмитриевич насчитал тридцать восемь щупальцев длиной до пятидесяти одного метра и толщиной от пяти до двадцати девяти сантиметров. Щупальцы были покрыты чешуеобразными роговыми пластинками, что намного увеличивало силу их сжатия, нисколько не мешая гибкости и подвижности. Тонкие фосфоресцирующие нити, почти незаметные при электрическом свете, начинались у присосков и тянулись по щупальцам до туловища.

В кольцах двух щупальцев Ожегов увидел раздавленных дикарей. Он в немом изумлении склонился над ними. Тела у несчастных были обуглены, словно через них пропустили страшный разряд тока.

В свирепой и беспощадной борьбе за существование исполинское чудовище было прекрасно вооружено — электрические разряды, которые выпускали щупальцы, убивали насмерть, и только непроницаемый даже для космических излучений скафандр спас Ожегова от верной гибели. Дикарей же ничто не могло бы спасти. Запертые в пещере, они все до одного должны были пасть в неравной борьбе.

Андрей Дмитриевич хотел ближе рассмотреть обмякшее бесформенное тело чудовища, загрозоздившее проход, и, держа пистолет наготове, подошел к нему. Прожектор ярко осветил слизистый, студенеобразный бугор, растекавшийся по камням. Больше ничего нельзя было разобрать.

Широкий поток багрово-красного света ударил в пещеру. Ожегов погасил прожектор — начался третий день его пребывания на планете пигмеев, дикарей и чудовищ. Шагнув на поддавшийся под его ногами труп чудовища, он взмахом руки предложил дикарям, сбившимся в углу, выйти из пещеры. Но, онемевшие от страха, они не двинулись с места.

Поняв, что дикари скорее умрут с голода, чем выйдут из пещеры по трупу чудовища, Ожегов опять поднял пистолет, нажимом кнопки на рукоятке увеличив заряд в несколько десятков раз. Затем он дважды провел им по скале, параллельно проходу на расстоянии полуметра от него, и гряда обрушившихся камней похоронила исполинское животное под собой. Образовался новый, ровный, как стрела, проход.

Дикари упали ниц, протягивая в немой мольбе руки и с нескрываемым страхом глядя на Ожегова.

Ожегов подошел к дикарям, силой поставил на ноги вождя, и, поддерживая его, вывел из пещеры. Увидев, что вождь прошел и остался цел, воины осторожно, боязливо оглядываясь, вышли за ним. Андрей Дмитриевич быстро пересчитал их. В ночном бою погибло сорок два человека, больше, чем во время их схватки с пигмеями. От многочисленного отряда осталась небольшая группа людей, дрожащих от пережитого ужаса.

Выйдя из пещеры, дикари упали ниц, протягивая в немой мольбе руки и с нескрываемым страхом глядя на Ожегова. А он стоял над ними, озаренный светом красной звез-

ды, бледный от пережитого волнения, и думал о том, как объяснить этим голым светло-бронзовым людям, что он — их друг, что он готов стать их защитником и наставником. Он подошел к вождю, поднял его с камней и широким жестом протянул ему руку. Вождь изумленно посмотрел на него, потом, словно догадавшись, широко улыбнулся, обеими руками взял его руку, одетую в панцирь скафандра, и прижал ее к своей груди. Дикари встретили этот жест ликующими криками.

Вскоре маленький отряд во главе с Ожеговым и вождем скрылся в высокой траве степи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У останков «Малахита». Осмотр корабля. Тоска по Родине.
По лучу индикатора. Над Тритом. В пасти у ящера.
К «Ару».

Сирасколийцы безмолвно стояли у останков «Малахита». Ия поддерживала Икара и быстро увеличивала подачу кислорода в его скафандр. Наконец мальчик открыл глаза, и из груди у всех вырвался вздох облегчения. Алюа положил свою тяжелую руку на плечо Икару и бережно привлек его к себе.

— Ты должен радоваться, Икар, радоваться, а не огорчаться, — ласково сказал он. — Ваш «Малахит» выдержал самое серьезное испытание — не сгорел в атмосфере при посадке на Трит. Значит, теперь тебе нечего опасаться за жизнь отца. У вас надежные скафандры — ни человек, ни животное не страшны ему на этой планете, и мы быстро найдем его. Давай-ка пока осмотрим внимательнее все вокруг, может, мы быстрее поймем, что здесь происходило.

Кроме первой догадки, перешедшей в уверенность, что корабль и небольшая площадь вокруг него были ареной борьбы, осмотр ничего не дал. Буйная растительность поглотила следы схватки и только несколько легких дровиков из очень прочного дерева с каменными наконечниками да обрывки альбомов и кинолент, подобранные сирасколийцами, говорили о том, что Андрей Дмитриевич не по доброй воле оставил корабль.

Алюа связался по радио с «Аром» и приказал доставить к «Малахиту» прибор «ИЗ» — «Индикатор запахов». Икар тем временем открыл внутренний люк, и большая группа сирасколийцев зашла в корабль. С невольным трепетом переступил Икар порог штурманской рубки. Слова Алюа ободрили его, сейчас он верил, что скоро увидится с отцом.

Удар при посадке произвел внутри «Малахита» значительные разрушения. Но на центральном пульте управления по-прежнему мягко посвечивал полусферический экран локатора, на панелях в своих гнездах сидели бесчисленные кнопки и рычажки. Астронавигационные карты, разбросанные в беспорядке по штурманской рубке, отмечали положение «Малахита», его маршрут за все время до посадки на Трит.

— Покажи нам ваш корабль, Икар, — попросил мальчика Алюа. — Все равно до прибытия прибора мы не сможем заняться поисками.

Икар с радостью согласился. Из штурманской рубки они вышли в длинный коридор, разделенный на отсеки, и Икар повел сирасколийцев в лаборатории, обсерватории, салон-библиотеку корабля. Сирасколийцы с интересом осматривали приборы, прокладывавшие курс корабля, антиметеоритные пушки, устройства, регулирующие температуру и влажность воздуха, освещение, коллекции и альбомы... Несколько раз Икар улавливал возгласы восхищения удивительной оригинальностью и смелостью конструкторского решения аппаратуры «Малахита».

В салоне Ия села к электронному роялю, открыла крышку и легко пробежала пальцами по его клавишам. Инструмент, очевидно, был ей знаком. Нежная и душевная музыка остановила сирасколийцев, и они слушали ее, закованные в скафандры, — музыку своей планеты, такой недостижимо далекой и такой родной. И Икар, стоявший рядом с Алюа, увидел через стекло скафандра, как смягчились черты его лица и огромные глаза стали влажными и задумчивыми.

Икар, не отрываясь, смотрел на девушку, на ее смуглое одухотворенное лицо и горящие глаза, на тонкие синие жилки, бившиеся на ее виске, прикрытом завитком иссиня-черных волос, и сердце его наполнила радость, что у него есть такой хороший, умный и талантливый старший друг и товарищ.

Внезапно Ия оборвала музыку, быстро встала, натянула на руки перчатки и вышла из салона.

Все медленно двинулись вслед за девушкой.

Икар повел сирасколийцев по жилым помещениям корабля.

В каюте Ожегова на столе стояла прямоугольная матовая пластинка. Икар подвел к ней Ию и нажал на кнопку, вмонтированную в подставку. И пластинка сразу же осветилась мягким, теплым светом. В глубине ее Ия увидела тоненькую светловолосую женщину в белом платье, которое оттеняло ее большие голубые глаза. Женщина улыбалась. Казалось, она вот-вот шагнет откуда-то из пластинки и войдет в каюту.

Ия с восхищением рассматривала ее. Из рассказов Икара она уже знала о том, как погибла его мать, сейчас она видела ее — прекрасную женщину прекрасной Земли. И она обняла Икара, прижала его к себе и ласково погладила по волосам.

— У тебя была хорошая мама, малыш, — тихо сказала она.

Икар нажал на кнопку, и изображение на пластинке погасло. Взяв за руку Ию, он вышел из каюты отца.

Дальнейший осмотр был прерван появлением Нора, который по радио вызывал их на палубную площадку. Нор доставил «Индикатор запахов», можно было приступить к поискам Ожегова.

Индикатор оказался длинной четырехугольной коробочкой, большую часть которой занимал продолговатый молочно-белый объемный экран с черной стрелкой. На панели были смонтированы бесчисленные кнопки управления.

— Как ты думаешь, к чему на корабле чаще всего прикасался твой отец? — спросил у Икара Алюа.

— К книгам, картам, к приборам на центральном пульте управления, — уверенно ответил мальчик.

— Произведите анализ, — приказал командир Нору и Ие. — И поскорее. А затем вместе с Икаром займитесь поисками. Думаю, что втроем вы с этим легко справитесь. А мы продолжим изучение планеты.

Отдав необходимые распоряжения исследовательским группам биологов, геологов, картографов и других ученых,

Алюа вместе с ними направился к месту посадки «Ара». Ия, Нор и Икар остались на «Малахите».

Анализ занял несколько минут. Вскоре на пластмассовом листке записной книжки Нора появилась сложная химическая формула. Поочередно нажимая кнопки, он начал передавать команду индикатору.

— «Индикатор запахов» устроен так, что сейчас, где бы ни находился твой отец, прибор найдет его по запаху и укажет стрелкой направление поисков, — объяснила Ия Икару. — «Индикатор запахов» может находить полезные ископаемые, животных, людей — все, что угодно, если нам известен химический состав запахов, которыми обладает разыскиваемое тело. Прибор можно было использовать и при поисках «Малахита», но мы опасались, что металл «Звездочки» и корпуса корабля несколько отличаются друг от друга. Я произвела анализ, и оказалось, что мы были правы.

Нор окончил манипуляции с кнопками, и стрелка на экране ожила. Включив двигатель, Икар, Нор и Ия приступили к поискам.

Индикатор, словно хорошая собака-ищейка, безошибочно вел Ию, Нору и Икара по следам Ожегова. Они побывали на холме, с которого Андрей Дмитриевич наблюдал бой двух гигантов, у озера, в пещере, где он заночевал. Потом прибор повел их по пути пигмеев, и, увидев в ущелье растерзанные хищниками трупы дикарей, Икар содрогнулся от ужаса при мысли, что вместе с ними был его отец. Они тщательно осмотрели ущелье, но стрелка прибора приказывала им продолжать поиски.

Наступила ночь. Включив прожекторы, Икар, Ия и Нор, словно большие фантастические птицы, медленно парили в воздухе. Осмотр пещеры с разлагающимися останками гигантского спрута потряс друзей — ни на Земле, ни на Сирасколии таких чудовищ не было. Икар понял, что отец был вооружен, это придало ему бодрости.

Новый день застал их над степью. Потом они углубились в безлистный лес и летели над ним, распутивая исполинских животных, мирно щипавших траву на полянах. А

стрелка индикатора упорно указывала вперед, туда, где поднимались отроги высоких гор, образуя мощную горную систему, широким кольцом опоясывающую почти всю планету. Процесс горообразования еще не закончился. Несколько огромных вулканов выбрасывали в красное небо клубы черного пепла, раскаленные, словно пушечные ядра, глыбы камней и потоки желтой расплавленной лавы; грозный грохот сотрясал окрестности.

Потом они круто повернули на север. Лес расступился, и они увидели большую овальную поляну, примыкавшую на северо-западе к неширокой смолянисто-черной порожистой реке с бурным и стремительным течением.

На поляне, занимая большую часть ее, раскинулось селение, обнесенное высокой оградой из обожженных стволов деревьев. За оградой стояли легкие конусообразные хижины, вились дымки костров. В центре возвышалось высокое строение, похожее на пожарную каланчу древности и увенчанное настилом из легких жердей. Очевидно, с него жители поселения наблюдали за своими противниками и животными, которые бродили окрест.

На помосте стояло несколько светло-бронзовых воинов. Потрясая дротиками, они что-то кричали и указывали руками в небо, в бессильной ярости подпрыгивая на помосте. В то же мгновение, словно услышав их крики, стрелка индикатора дернулась вверх.

Как по команде, Икар, Ия и Нор посмотрели на багрово-красное небо, затканное пятнами серовато-черных облаков. Прямо над собой они увидели гигантского ящера. Широко раскинув могучие крылья, обтянутые черной блестящей кожей, он медленно набирал высоту. В длинной прямоугольной пасти, усеянной несколькими рядами огромных загигающих зубов, ящер нес добычу. Она, видно, была тяжелой для него, хищник медленно летел к горам.

Стрелка индикатора упорно показывала вверх, и, озабоченный страшной догадкой, Нор, державший индикатор, первым взмыл за ящером. Ия и Икар, обгоняя друг друга, бросились за ним.

Прямо над собой они увидели гигантского ящера.

Ящер нес в пасти Ожегова. Икар, Ия и Нор, еще не видя его лица, знали, что это мог быть только он. На человеке был скафандр, а кто, кроме Ожегова, еще мог носить скафандр на этой планете!

Двигатели Икара, Ии и Нора были гораздо мощнее «двигателя» страшной рептилии. Через несколько минут они уже кружили вокруг ящера, выбирая удобную точку для нападения. Оружие друзей было слишком грозным, чтобы им можно было пользоваться неосторожно. Оно могло бы разрушить скафандр и убить Андрея Дмитриевича.

— Стрелять буду я, — крикнул Нор, заметив, что Икар выхватил пистолет. — Отвлекайте ящера.

Хищник уже заметил преследователей. Огромные выпуклые желтые глаза его равнодушно скользнули по трем странным птицам, кружившим вокруг него. Так бывало всегда: стоило ему захватить добычу, как всякая мелочь уже собиралась нивесть откуда, надеясь поживиться остатками.

Но эти птицы как-то странно вели себя. Они скользили у него перед самой пастью, и ящер начал сердиться; выпустив огромные изогнутые когти, он на всякий случай приготовился защищать свою добычу.

Тонкий, словно игла, луч света, вырвавшийся из трубки, укрепленной на правом плече Нора, прервал полет ящера. Выпустив из пасти тело Ожегова, ящер рухнул на землю. Но распростертые крылья поддерживали его. Андрей Дмитриевич полетел к земле гораздо быстрее.

Икар стремительно метнулся к отцу и на лету подхватил его. С другой стороны Ожегова подхватила Ия. И маленькая группа людей стремительно понеслась к месту стоянки «Ара».

Дикари, с суетным ужасом наблюдавшие за битвой в воздухе, скатились с помоста и, громко крича, побежали к своим хижинам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кислорода оказалось мало. «Ар» готовится к отлету. В операционной. К внепланетной станции. Рассказ Ожегова. В полете. Клятва. Диплом Икара.

Ожегов был мертв. Он лежал на снежно-белом операционном столе в госпитале «Ара», восково-бледный, с вздувшимися венами на высоком лбу. Бескровные губы его были туго сжаты, судорога нечеловеческой муки искажала лицо.

Икар беззвучно плакал, прижавшись лицом к холодной руке отца, тело мальчика содрогалось от рыданий. Сирасколийцы в скорбном молчании стояли вокруг.

Ия установила, что смерть наступила от удушья. В то мгновение, когда Ожегова схватил гигантский ящер, в его баллоне были на исходе последние капли жидкого кислорода. В общей сложности до того, как Ия, Нор и Икар перенесли Андрея Дмитриевича на «Ар», он пробыл без воздуха восемьдесят семь минут.

Алюа вопросительно посмотрел на Ию. Девушка разогнулась, отложила в сторону длинную блестящую иглу с шариком на острие, которой она время от времени прикасалась к телу Ожегова, и чуть слышно сказала:

— Попробую что-нибудь сделать, но за исход ручаться трудно.

Словно подброшенный ее словами, Икар бросился к девушке.

— Спаси его, Ия, спаси его! — умоляюще закричал он, с внезапно вспыхнувшей надеждой. — Неужели его нельзя спасти?!

— Клянусь тебе, я сделаю все, что в моих силах — сказала она. — Успокойся, Икар, и пусть все выйдут. Мне надо остаться одной.

В голосе ее появилась не известная ранее Икару жесткость. Славная, добродушная девушка исчезла, сейчас у операционного стола стоял врач, сосредоточенный и неумолимый. И сирасколийцы понимали это, они бесшумно друг за другом вышли в открытый люк. Алюа поддерживал ослабевшего от горя Икара.

У операционного стола
стоял врач, сосредото-
ченный и неумолимый.

«Ар» готовился к отлету. На Совете Экспедиции было принято решение отвести останки «Малахита» во внепланетный космический порт Сирасколии, где ученые и инженеры по чертежам землян могли бы отремонтировать его, построить новый двигатель и подготовить для возвращения на Землю.

— Пора приступить к работе, — сказал Алюа, — когда они вышли из операционной. — Надо соединить «Звездочку» с «Малахитом» и укрепить корабль между центральным и кормовым шарами «Ара». Этим займется аварийная группа во главе с Норм. К группе прикрепляется Икар.

— Но ведь тогда мне придется покинуть «Ар»! — воскликнул Икар. — И я не буду знать, как проходит операция! Разреши мне остаться здесь, Алюа!

— Ты пойдешь с аварийной группой, — строго сказал Алюа. — Наши люди не знают соединительных устройств ступеней «Малахита», а ты знаешь их. У нас осталось мало времени, Икар, и ты должен выполнить мой приказ...

Икар растерянно оглянулся на товарищей, ища поддержки, но все уже направилось к шлюзовому отсеку за скафандрами. Тогда, привычным жестом откинув волосы, он твердо сказал:

— Хорошо, я выполню твой приказ, Алюа.

И, пошатываясь, пошел за Норм.

Алюа с сожалением посмотрел ему вслед. Мальчик не знал, что начальник корабля специально поручил ему эту работу, чтобы неизвестность ожидания меньше томила его, чтобы ему легче было пережить эти страшные часы, когда шла борьба со смертью, сразившей его отца.

Круто повернувшись, он пошел в рубку, соединенную телевизионной аппаратурой с операционной госпиталя.

Место посадки «Ара» отстояло от «Малахита» почти на две тысячи километров. Проще всего было бы, включив двигатели «Ара» на одну десятиmillionную их мощность, перевести звездолет к неподвижному цилиндру «Малахита». Но это могло вызвать сотрясение «Ара» и помешать операции, и Алюа приказал Нору использовать для буксировки систему гравитационных двигателей. Миниатюрные, заключенные в прозрачные кожухи из сетолита — металла с удивительными свойствами, созданного на Сирасколии, — они обладали колоссальной мощностью. Несложная система управления делала их просто незаменимыми при работах, связанных с перемещением тяжестей.

Повинуясь коротким указаниям Нора, Икар складывал рядом длинные узкие полоски металла, проводил по ним длинной иглой, присоединенной гибким проводом к огромному сверкающему пульта, на котором вспыхивали разноцветные лампочки, и листы намертво сшивались. Он записывал показания стрелок на приборах, но мысли мальчика были в операционной, где лежал сейчас его отец. И сердце Икара сжималось от неумной тоски.

Вскоре маленький отряд, тяжело нагруженный аппаратурой, вылетел к «Малахиту». И Икару пришлось сосредоточиться на работе своего двигателя, чтобы не отстать от других и не уронить очень хрупкие на первый взгляд приборы, нести которые ему поручил Нор. Передавая приборы мальчику, Нор сказал, что, если они разобьются, восстановить их будет невозможно.

Цепко сжав подлокотники кресла и подавшись вперед, Алюа впился взглядом в экран телевизора. Он видел, как, нажимая на различные кнопки, Ия окружила операционный стол десятками приборов. Они свешивались с потолка, толпились у изголовья, сверкающие красными и синими глазками лампочек, готовые вступить в борьбу за жизнь человека. Послушные мысли Ии, переданные через генератор биотоков, исследовали каждую клетку тела Ожегова, сердце, легкие, мозг...

Вот они отключили сердце, изолировали его от кровеносной системы и подали в него сильную струю свежей крови. Они продули легкие и наполнили их живительным кислородом, которого так не хватало ему восемьдесят семь минут назад. Они бомбардировали кору головного мозга омега-лучами, чтобы вызвать к жизни деятельность нервных клеток...

Но стрелки всех приборов продолжали оставаться на нуле.

Алюа на экране телевизора видел, как мелкие капельки пота покрыли лоб Ии. Мягким прикосновением манипуляторы стерли пот, но она, казалось, не замечала этого.

Губы ее беззвучно шевелились, казалось, девушка решала в уме какую-то трудную задачу.

Алюа никогда раньше не видел этого человека, распростертого на операционном столе. Но во всей Вселенной не было сейчас ничего, чего бы он, командир звездолета, не отдал, чтобы Ожегов очнулся от своего страшного сна. Алюа любил его, как сына, и даже больше, потому что это был человек, о встрече с которым он мечтал всю жизнь.

Алюа взглянул на хронометр — операция уже длилась два с половиной часа. Сколько еще сможет продержаться Ия?

И вдруг стрелка на приборе, контролировавшем сердечную деятельность Ожегова, чуть заметно дрогнула. В то же мгновение Алюа услышал ликующий крик Ии. Ожегов был спасен!

За дальнейшим ходом операции Алюа наблюдать не стал. Он мгновенно связался с аварийной бригадой.,

Икар вместе с Нором укреплял на «Малахите» второй двигатель, когда услышал взволнованный голос Алюа:

— Возвращайся на корабль, Икар! Твой отец спасен!

«Ар» летел к внепланетной космической станции Сирасколии. В черной бездне космоса растворилась планета; Трит, и только красную звезду ее можно было еще некоторое время рассмотреть в мощные телескопы. Ожегов сидел в Зале Мудрости, держа в своих руках руку Икара, и глуховатым от волнения голосом рассказывал сирасколийцам о своих приключениях у дикарей племени нгхара.

— После двухдневного пути мы прибыли на родовую стоянку. Оказывается, дикари наблюдали за посадкой «Малахита» и выслали отряд, чтобы пригласить «посланцев неба» к себе. Племя нгхаро вело непримиримую вражду с пигмеями, а я как раз попал в их владения.

Нгхаро знакомы с огнем, живут не в пещерах, а в хижинах, кроме каменных, у них есть орудия из серебристого, очень легкого и прочного металла. Это — племя охотников, исключительно мужественных и добрых людей.

Меня окружили всеобщим поклонением. Мой скафандр, оружие, прожектор внушали им суеверный ужас. В селении мне отвели самую большую хижину. Возвращаясь с охоты, воины оставляли у нее лучшие куски мяса, съедобные корни и плоды.

Три баллона кислорода позволяли мне без отлучек на корабль пробыть среди дикарей 16 с лишним суток. Двадцать часов нужно было на обратный путь — я мог передвигаться по планете значительно быстрее дикарей, сказывалась разница в силе притяжения Трита и Земли.

Через несколько дней я смог уже довольно сносно объясняться с дикарями. Язык у них несложный, основная масса слов обозначает названия предметов и действия. Я рассчитывал, что пробуду на Трите около тридцати лет, от знания языка племени зависели все мои дальнейшие планы.

Андрей Дмитриевич рассказывал, как он ходил на охоту вместе с дикарями, как помогал им уничтожать грозных хищников, которыми кишит планета. Во время коротких вылазок он убедился, что Трит богат железом, углем, нефтью и другими полезными ископаемыми. Разработку их Ожегов думал начать после того, как вместе с воинами племени возьмет на корабле необходимые приборы, инструменты и двигатели и установит связь с другими племенами, населяющими планету.

— На двенадцатый день, после того, как я покинул «Малахит», — говорил Андрей Дмитриевич, — я пошел к горному кряжу, примыкавшему к лесу, в котором располагалось племя, и богатому каким-то не известным мне металлом, тем самым серебристым металлом, которым пользовались дикари, чтобы разжигать костры. Металл горел при малом количестве кислорода в составе воздуха. Много его было у самой вершины высочайшей горы кряжа. Там он выходил обнаженным пластом.

С трудом добравшись до площадки, нависшей над пропастью, я почувствовал, что начал задыхаться. Во втором баллоне оканчивался кислород. А до выхода металла лезть еще надо было метров шестьдесят. Тогда я отстегнул от скафандра третий баллон, чтобы поставить его на смену,

но вдруг какой-то страшный удар выбил его у меня из рук. Сверкнув на солнце, баллон полетел в пропасть.

Уже теряя сознание от недостатка воздуха, я увидел гигантского ящера, напавшего на меня. Я потянулся к пистолету, однако новый удар свалил меня с ног и я покатился в пропасть. Ящер подхватил меня...

Андрей Дмитриевич побледнел, вспоминая страшные минуты на обнаженной каменной площадке, нависшей над бездной. Икар крепко сжал его руку.

На корабле незаметно летели часы и дни полета. Все свободное время Ожегов проводил с Алюа. И всегда рядом с ними был Икар. Не довольствуясь биокибернетическими переводчиками, Андрей Дмитриевич начал изучать язык Сирасколии, перечитывал сотни книг, рассказывающих об этой удивительной планете, рассматривал карты и чертежи. Его киноаппарат, заряженный микропленкой, непрерывно работал, чтобы запечатлеть все, чего еще не было на Земле; диктофоны спешили записать каждую мысль, каждое открытие, которое Ожегов делал для себя на «Аре».

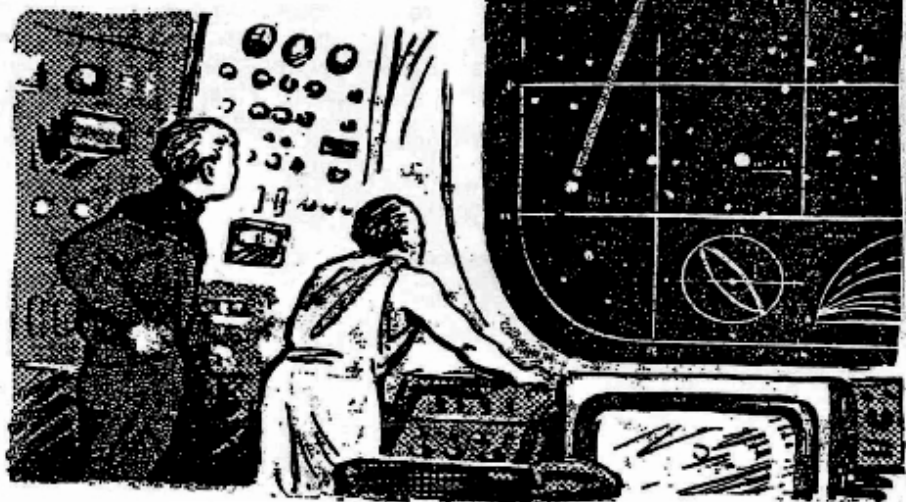
Икар помогал отцу и очень гордился тем, что Андрей Дмитриевич поручил ему важнейший участок работы — изучение генератора биотоков и устройство автоматических переводчиков. В царстве машин, электронных устройств, копировавших человеческий мозг и его деятельность, верным проводником Икара был Нор Инд. Отцу во всем помогала Ия.

Красная стрела на гигантской карте звездного неба, занимавшей одиннадцатиметровую стену штурманской рубки, родившись в левом углу у планеты Трит, упорно продвигалась туда, где в туманном ореоле мерцали звезды Сирасколии.

Едва только оправившись от болезни и изумления, вызванного необычайной встречей, Ожегов расспросил Алюа о планах экспедиции.

— Мы хотим установить связи с планетами двойной 61-й звезды в созвездии Лебедя, — ответил Алюа. — Вот уже

Красная стрела на гигантской карте звездного неба упорно продвигалась туда, где в туманном ореоле мерцали звезды Сирасколии.

свыше ста лет мы с Сирасколии улавливаем непонятные сигналы, которые идут с одной из этих планет. Наши ученые пока еще сигналы расшифровать не смогли, но происхождение их не оставляет у нас сомнения — это радиосигналы, посылаемые разумными существами. Что в них — желание установить связь с другими планетами или мольба о помощи? Это и должна узнать наша экспедиция.

— А может, вы измените маршрут, и оба наши корабля пойдут на Землю? — спросил Ожегов. — Вы увидите наш мир во всем его своеобразии и величии, мы встретим вас как самых дорогих гостей.

Алюа улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, что Совет Экспедиции пока (Алюа голосом выделил это слово) отклонит это приглашение. Счастливый случай, который свел нас в космосе, позволил нам много узнать о солнечной системе и вашей планете, о людях, населяющих ее. По вашим рассказам, книгам и фильмам, картинам и нотам, коллекциям и чертежам мы познакомимся с историей развития жизни на Земле, с богатством ее недр, со всеми основными достижениями землян в науке и технике. Узнав вас двоих, мы увидели, что люди Земли храбры и добры, честны и талантливы, что они умеют самоотверженно любить и неумоимо трудиться. Почти два десятилетия, которые мы затратили бы на путешествие до Земли и обратно, немного прибавили бы к нашим знаниям о вас по сравнению с тем, что откроют перед нами планетные миры Лебеда.

— Но я уверен, — продолжал Алюа, размеренно похлопывая небольшой крепкой ладонью по подлокотнику кресла, — что, раз встретившись, мы уже никогда не потеряем друг друга в просторах Вселенной. — Побывав на внепланетной станции Сирасколии, вы вместе с нашими учеными решите вопрос о постоянной связи между нашими планетами. И мы всегда будем знать, что где-то там, в бездне Галактики есть наши братья. Мы будем включать в эту великую связь все новые и новые планеты наших и других галактик, и она объединит в одну семью всю Вселенную.

Алюа говорил твердо и уверенно. В больших и выразительных глазах его горел неукротимый огонь, на одухотворенном лице разгладились глубокие морщины, немного непривычные для землян черты его сейчас казались законченными и прекрасными. Ожегов и Икар жадно впитывали каждое его слово: первый — как единомышленник и соратник, второй — как ученик и последователь.

И когда Алюа окончил свою речь, Андрей Дмитриевич встал и крепко пожал ему руку. Алюа правой рукой привлек его к груди, а левой обнял Икара, и так они стояли несколько минут в торжественном молчании, словно приносили священную клятву быть верным великому делу объединения миров, служения людям.

Прошло почти три земных года с того мгновения, как «Ар» и «Малахит» оставили Трит и, преодолев притяжение планеты, устремились к внепланетному космодрому Сирасколии. Для Икара это было время напряженной учебы. Как губка, воду, впитывал он в себя знания, которыми щедро делились отец, Ия, Алюа, Нор — все члены экипажа, горячо полюбившие угловатого подростка с пытливым взглядом голубых глаз и льняной шапкой волос. Икар вытянулся; благодаря ежедневным занятиям в спортивном зале под кожей у него налились тугие бугры мускулов, кварцевые лампы сделали кожу его смуглой и блестящей.

В день пятинадцатилетия, по постановлению Совета Экспедиции, Алюа вручил мальчику диплом инженера-механика главного двигателя, и теперь он нес вахту наравне со всеми членами экипажа.

Ожегов был занят огромной научной работой. Его помощником стала Ия. Вместе с нею он подготавливал материалы, которые «Малахит» после ремонта должен был отвезти на «Землю», обрабатывая данные астрономов «Ара» об этом совершенно неизученном на Земле участке галактики.

Ия оказалась не только замечательной помощницей, но и талантливой учительницей. Ожегова с каждым днем связывала с девушкой все более и более крепкая дружба.

Пройдя три четверти пути со скоростью света, «Ар» перешел на торможение, четыре месяца спустя на экранах локатора корабля замерцала крохотная голубая звездочка. Это был постоянный искусственный спутник Сирасколи — космический порт для ее звездных кораблей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Посадка. Встреча. Ремонт «Малахита». Живым — жить на земле. «До встречи, друзья!»

Подробную радиограмму на искусственный спутник Сирасколии о необыкновенной встрече экипажа с людьми и о причине возвращения «Ара» Алюа послал еще тогда, когда корабль только начал торможение. Оттуда она была передана на Сирасколию. Вся планета с ликованием готовилась к встрече дорогих гостей. Конструкторы изучали чертежи «Малахита», переданные Алюа. Задолго до прилета «Ара» грузовые ракеты начали доставлять на спутник-космодром первые узлы и детали будущего двигателя «Малахита».

Икар вместе с Норм нес вахту у центрального пульта управления «Ара», когда микрофоны разнесли по кораблю радостную весть — на экранах локаторов появились первые ракеты, встречающие их. Включив локатор флангового обзора, Икар с волнением наблюдал за огромными, похожими на серебристых рыб, ракетами, которые, казалось, неподвижно висели на почтительном расстоянии от «Ара» и в то же время ни на один метр не отставали от него. И чем больше приближалась цель, тем больше ракет пятнало зеленоватый экран локатора, словно демонстрируя удивительное могущество, которого достиг народ Сирасколии.

Двигатели обратного действия плавно гасили скорость звездолета. А когда спутник «С-14» из светящейся точки превратился в гигантское, слегка вытянутое колесо, соединенное вместо спиц сложными металлическими конструкциями, Алюа сам стал к центральному пулту управления.

Мощные радиопеленгаторы уверенно вели «Ар» на посадку. Совершив два широких витка вокруг спутника, он мягко скользнул на внешнюю плоскость «колеса», мощное магнитное поле, образовавшееся в зоне посадки, погасило

его скорость, и Алюа уверенно ввел корабль в закрытый ангар.

Прошло несколько томительных часов, прежде чем сигнальная лампочка на панели сообщила, что шлюзовая камера корабля герметически соединена с внутренними помещениями спутника-порта. Весь экипаж «Ара» собрался у готового распахнуться люка. Впереди всех стояли Икар и Ожегов.

— Это еще не наша земля, это просто частичка ее, созданная гением нашего народа, и вам, прошедшим чудовищно далекий путь, мы предоставим почетное право первыми ступить на нее, — дрогнувшим от волнения голосом сказал Алюа.

Ровно загудел мотор, отодвигая тяжелый люк «Ара». Ожегов и Икар, взявшись за руки, ступили на широкую площадку трапа. Приветственные крики сотен людей ошеломили их, внезапно увлажнившимися глазами смотрели они на людской поток, конец которого терялся где-то за плавным изгибом помещения. Они стояли, полные гордости за свою Землю, пославшую их сюда, а позади их стояли Алюа, Ия, Нор, — люди, так много сделавшие для того, чтобы они могли достичь искусственного спутника их планеты.

Под гром рукоплесканий по трапу взбежали две маленькие смуглые девочки — дети сотрудников станции-спутника — в белых платяницах и легких сандалиях. На последней ступеньке автоматическое устройство приподняло их, и они надели на шеи Ожегову и Икару гирлянды живых цветов, ярких, словно радуга после дождя, дышащих свежестью полей и лесов Сирасколии.

Андрей Дмитриевич подхватил девочек на руки, прижал к груди и первым двинулся вниз, к протянутым рукам, к сияющим глазам, к сердечным улыбкам.

Мощные телевизионные установки спутника транслировали на планету торжественную встречу землян, и сирасколийцы видели, как сжимал Ожегов в могучих объятиях сотрудников и гостей спутника-космодрома, как взлетал в воздух Икар, подбрасываемый десятками сильных, добрых рук, как, гордо подняв голову, сходили по трапу их сыно-

вья и дочери, спасшие своих братьев с далекой планеты Земли от гибели в черных пучинах космоса.

Они стояли, полные гордости за свою Землю.

Увлекаемые ликующей толпой, Андрей Дмитриевич и Икар медленно шли вперед по ярко освещенному внутреннему коридору-кольцу спутника. На повороте Ожегов оглянулся, могучие электромагнитные краны уже подхватили корпус «Малахита» и легко, словно пушинку, понесли многотонную громаду к ангару, где звездолет, получив двигатель, должен был заново родиться для окончания великого полета.

Дни на искусственном спутнике Сирасколии слились для Икара и Андрея Дмитриевича в один непрерывный поток. После короткого сна и легкого завтрака они оставляли свою каюту, чтобы вернуться в нее уже поздней ночью. Скоростной лифт относил их в ангар, где создавалась третья ступень «Малахита» — его двигатель, где ремонтировались приборы, разрушенные во время катастрофы и посадки «Малахита» на планету Трит.

Работы велись днем и ночью. С каждым часом спутник улетал все дальше и дальше по своей орбите, удлиняя и без того невероятно далекий путь Андрея Дмитриевича и Икара до Земли. Ждать его возвращения к наиболее приближенной точке было нельзя — это потребовало бы еще свыше трех земных лет.

Почти весь экипаж «Ара» на время ремонта «Малахита» вылетел на родину. Андрей Дмитриевич и Икар горько сожалели, что им не придется побывать на Сирасколии — они нужны были здесь. Инженеры оборудовали двигатель «Малахита» новыми приборами и приспособлениями, их надо было хорошенько изучить до отлета «Малахита».

Горечь от того, что не удастся осмотреть планету, смягчалась ежедневными специальными телевизионными передачами с Сирасколии да тем, что рядом с Ожеговым и Икаром на стапелях ангара работала Ия. Она не полетела на свою планету и осталась на спутнике, хотя Алюа и Нор уговаривали ее побывать на планете.

Несмотря на огромный размах работ, в ангаре стояла удивительная тишина. Молниями вспыхивали огни аппаратов, которые надежно сшивали остов будущего двигателя. А гравитационные двигатели поднимали на огромную высоту узлы ракеты. Одновременно шел монтаж могучих ускорителей элементарных частиц.

С каждым днем «Малахит» все больше и больше напоминал прежний красавец звездолет. Наново окрашенный светло-зеленой защитной краской, он обещал Андрею Дмитриевичу и Икару скорую встречу с Землею. Скорую, не-

смотря далее на то, что обратный путь должен был продлиться свыше десяти лет.

Вместе с Андреем Дмитриевичем Ия работала на монтаже аппаратуры двигателей — самой ответственной операции по восстановлению «Малахита». Тяжелые думы мучили девушку. Она с грустью думала о том, что скоро расстанется с этими удивительным светлокожими людьми, к которым так привязалась за это время. Часто, оставив работу, она заходила в корабль, в каюту Ожегова, и с волнением рассматривала матовую пластинку, на которой возникало, изображение его погибшей жены. Оттуда она отправлялась в обсерваторию спутника. Сосредоточенная, замкнутая, она садилась у бинокулярного объектива электронного телескопа и подолгу смотрела туда, где в легком тумане атмосферы величаво плыла по космосу планета двух звезд — Сирасколия. Иногда объективы затягивала плотная пелена — Ия беззвучно плакала.

Ожегов и Икар заметили, как резко переменялась Ия. И они тоже все чаще и чаще с сожалением думали о том, что скоро им придется расстаться.

Однажды, когда после работы они вернулись в свою каюту, Андрей Дмитриевич испытующе посмотрел на Икара и сказал:

— А что, если мы попробуем пригласить Ию полететь с нами на Землю?

— Она откажется, — безнадежно ответил Икар. — Нет, она, конечно, откажется...

— А все-таки я с нею поговорю, — задумчиво, словно припоминая что-то, сказал Ожегов. — Может быть... .

Он резко повернулся и вышел из каюты.

Икар настороженно ждал прихода отца. Он еще не мог объяснить себе долгих разговоров отца с Ией во время полета, взглядов, которыми они иногда обменивались. Он не понимал, почему отец все чаще и чаще уединяется в своей каюте на «Малахите», в скорбном молчании рассматривая стереоскопическое изображение его матери на матовой плас-

тинке, не мог объяснить, почему так притягивает к себе эта пластинка Ию. Он знал только одно — Ия навсегда вошла в их жизнь, и отец, и он, где бы они ни были, будут с тоской вспоминать о ней. Ему и самому не раз приходила в голову мысль сказать отцу, чтобы он попытался пригласить Ию полететь с ними на Землю, но он не верил, что это возможно. А как хорошо было бы, если бы Ия согласилась полететь с ними!

Резкий стук в дверь заставил Икара вскочить на ноги. В каюту вошли Андрей Дмитриевич и Ия, — и Икар услышал ликующий голос отца:

— Она согласна, Икар! Она согласна! Мы вместе полетим на Землю!

Икар бросился к Ие и крепко-крепко обнял ее. А она, взволнованная, счастливая, ласково гладила его по мягким сбившимся волосам, по вздрагивающим плечам и тихонько говорила:

— Мы будем хорошими друзьями, Икар! Правда ведь? Мы будем очень хорошими друзьями. Я помогу твоему отцу наладить связь с Сирасколийей... Я должна быть там, где будет он...

...Ожегов и Ия ушли, чтобы помочь принять грузы, доставленные ракетами. Икар бесшумной тенью выскользнул из каюты и быстро побежал в ангар. Лифт бесшумно поднял его на верхнюю площадку «Малахита». Через открытую шлюзовую камеру он вошел в корабль.

В звездолете было темно, но Икар уверенно находил дорогу в переплетении люков и коридоров. В каюте отца он зажег свет. На столе, на старом месте, стояла фотокарточка матери. Икар несколько минут молча смотрел на нее, потом взял и отнес в свою каюту. Быстро открыл круглый контейнер, в котором хранилось самое дорогое его сокровище — дневник-магнитофонные ленты, и опустил снимок на самое дно.

Горечь и радость боролись в душе Икара, когда он оставлял корабль. И радость победила. Икару шел восемнадцатый год, он уже понял суровый и незыблемый закон природы: живым — жить на земле.

Через два месяца ремонт «Малахита» был окончен. Экипаж «Ара» тоже собрался на спутнике-космодроме — корабли должны были стартовать почти одновременно.

Решение Ии лететь на Землю с Ожеговым и Икаром не встретило на Сирасколии осуждения — каждый гражданин Родины Человеческого Счастья волен был сам решать свою судьбу, если его решение не наносило вреда обществу. В отлете же Ии сирасколийцы видели только пользу — она поможет землянам быстрее установить с ними связь. Вместо Ии в состав экспедиции «Ара» был включен новый врач.

И вот наступили минуты прощания. Крепкие рукопожатия, дружеские взгляды, огромные букеты цветов... Алюа, Нор и другие члены экипажа поднимаются по трапу на корабль. Электромагнитные краны выводят его на стартовую площадку, и он медленно вонзается в космическую ночь длинной сверкающей молнией.

Вслед за ним стартует «Малахит». Некоторое время корабли, разделенные сотнями тысяч километров, летят по одному курсу. На экране локатора Ия, Андрей Дмитриевич и Икар видят длинную светящуюся черту. Затем Алюа кладет свой звездолет на новый курс, и черта исчезает.

Ожегов включает двигатели, постепенно наращивая их мощность, и замирает у центрального пульта управления. «Малахит» летит к Земле.

ЭПИЛОГ

Они стояли на Красной площади Москвы — высокий широкоплечий мужчина с обветренным открытым лицом, согретым мягким сиянием чуть прищуренных голубых глаз; смуглая тоненькая женщина с тяжелой копной иссиня-черных волос и коренастый юноша с такими же, как у мужчины, широкими, сведенными на переносице, бровями, похожими на два созревших пшеничных колоса, и слегка желеловатым подбородком. Ожегов и Икар были здесь в последний раз свыше двухсот лет тому назад, перед стартом «Малахита». И вновь они пришли на единственное на земном шаре место, которого не коснулось время, и прислушивались к малиновым всплескам курантов на Спасской башне. Благодарное человечество, как святыню, сохранило эту башню и седые стены Кремля, у которых в строгом молчании застыли ели, и источенную веками брусчатку Красной площади, и, казавшиеся игрушечными рядом с устремленными в небо громадами из бетона, алюминия и стекла, резные купола собора Василия Блаженного.

Ранее майское утро позолотило звезды на старинных башнях, сотнями разноцветных огоньков вспыхнуло на окнах дворцов, а они стояли, крепко держась за руки.

Легкий ветерок, напоенный ароматом далеких полей, обдувал их взволнованные лица, приглаживал волосы; глубокая тишина окружала их — город еще спал, и никто не мешал им громким словом, веселым смехом, звонкой песней — троим на площади нужна была тишина.

Их видели в этот день на площади Дерзновенных, у памятника героям, павшим в черных глубинах космоса. Гигантская серебристая ракета, устремленная в небо, и бронзовые многометровые фигуры людей утопали в цветах. Они тоже положили к подножию цветы, яркие, прекрасные цветы Сирасколии, и долго стояли, склонив головы и вспоминая товарищей, отдавших свои жизни, чтобы проложить человечеству путь к звездам.

Потом они оказались далеко за городом, на космодроме, где стояла на ажурной эстакаде готовая к старту ракета «Стремительная». Она должна была отнести Икара на постоянный искусственный спутник Земли «Пионер-8», который теперь стал космическим портом для кораблей, улетающих в космос.

Советом Института Межзвездных Сообщений Икар был назначен начальником экспедиции, которая должна была исследовать центральные звезды Млечного пути. Экспедиция была рассчитана на 15 ракетных лет, 40 000 лет должно было пройти на Земле к моменту ее возвращения. Ожегов и Ия прощались с Икаром навсегда — они должны были остаться на Земле, чтобы наладить постоянную связь с Сирасколийей.

...Он стоял на трапе перед готовым захлопнуться люком, молодой, взволнованный, и огромные глубокие глаза его ласково глядели на отца и Ию. Грусть расставания захлестывала его, пригибала его широкие плечи, но он знал, что так надо, что человечество не может остановиться в своем движении вперед. Отец и Ия махали ему руками, любовью и гордостью светились их лица.

Люк захлопнулся, но в какое-то последнее мгновение юноша еще услышал глуховатый голос отца, усиленный микрофонами:

— Лети, Икар! Счастливого тебе пути, сынок!

Об авторе

Михаил Наумович (наст. отчество – Беньяминович) Герчик – белорусский писатель. Писал на русском и белорусском языках.

Родился в Бобруйске в 1932 г. в еврейской семье. Во время войны с матерью и младшим братом жил в эвакуации в Чкаловской (ныне Оренбургской) области, работал в колхозе. Семья матери была расстреляна фашистами в Осиповичском гетто, отец погиб в феврале 1942 на фронте под Москвой.

Окончил 15-ю школу-семилетку ФЗО в Бобруйске. Печатался с 1947 г. В 1953 году закончил педагогическое училище в Минске и в 1958 году — журналистский факультет БГУ. В качестве журналиста много путешествовал по СССР. С 1964 года — член Союза писателей СССР. Работал в детской газете «Зорька», на радио, в издательстве «Беларусь», с 1972 г. проработал 20 лет в издательстве «Мастацкая літаратура». С 1992 на пенсии, работал в одном из первых частных издательств «Интердайджест».

Среди повестей, романов и рассказов Герчика — детские, остро-социальные и автобиографические произведения. Его единственная научно-фантастическая повесть «Лети, Икар» («Ляці, Ікар!») стала, наряду с «Гриадой» А. Колпакова, одной из первых «космических опер» в послевоенной советской фантастике.

Повесть печаталась в минской газете «Зорька» (1959, № 41-52), на русском в журнале «Искорка» (1960, № 1-7). Публикуется по последнему изданию. В оформлении обложки использована работа Р. Авотина.

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Глава пятая	37
Глава шестая	41
Глава седьмая	50
Глава восьмая	57
Глава девятая	62
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	73
Глава двенадцатая	79
Глава тринадцатая	88
Глава четырнадцатая	98
Глава пятнадцатая	104
Глава шестнадцатая	111
Глава семнадцатая	122
Эпилог	129
Об авторе	131

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.